

Константин Ерусалимский

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КУРБСКОГО О КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ И РУССКИХ КНЯЗЬЯХ IX – СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

Частное и общее в одном споре XVI века

Княжеский титул был в России XVI века маркером происхождения личности и «сравнительно недавним или пока еще актуальным статусом владетельного суверена»¹. Князь обладал потенциальной возможностью занять существующий престол или основать новый, хотя, по словам Ивана Грозного, княжеский титул не шел в сравнение с королевским и был недостаточен, чтобы «на государстве сидеть»². Князья продолжали владеть селами, часто в землях своих предков, были представителями местного управления государств и пользовались правом на занятие высших государственных должностей³. Княжеский титул накладывал на его носителя обязательства, которые определялись в категориях военного, юридического, морального долга перед своей землей⁴.

Самосознание отпрыска ярославской ветви князей Рюриковичей Андрея Михайловича Курбского, его представления о значении своего и других княжеских родов самобытны и одновременно включены в распределение власти в Московском государстве и в формирующейся Речи Посполитой. В первую очередь историков интересует аффективный литературный конфликт между эмигрантом и московским правителем. Какими бы личными ни

были гнев, обида, желание оправдать себя и своих друзей в противостоянии Андрея Курбского с Иваном Грозным, исследователи последних двух столетий прочитывают в словах Курбского нечто большее, чем спор по частным вопросам. Конечно, ни тот, ни другой не были теоретиками в том схоластическом понимании, которое было выработано европейскими средневековыми университетами. Но А. М. Курбский (речь в данном случае о нем) имел склонности богослова-систематика, которые сказались и на его социальных представлениях. Взгляды этого писателя служат подспорьем для ряда концепций социального положения русских князей ко времени и во время опричнины. Его сочинения многократно цитировались в спорах историков о социальной политике Ивана Грозного.

И. Н. Жданов, развивая тезисы П. И. Мельникова и К. Н. Бестужева-Рюмина, высказал соображение о землевладении как главном предмете споров между царем и эмигрантом: «Вотчины, – вот стало быть тот пункт, который в борьбе самодержавия с боярством представлялся Курбскому важнейшим и выдающимся: царь преследовал бояр, завидуя их богатству, их отчинам»⁵. В сжатой формулировке здесь выражено положение о социально-экономических причинах московской придворной борьбы вре-

-
- ¹ Назаров В.Д. 1) О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1485 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. – М., 2000. – С. 189–206; 2) Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. – М., 1999. – Вып. 5. – С. 175–196; 3) Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. – СПб., 2002. – С. 569.
 - ² Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье; Перев. и коммент. Я.С. Лурье; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.; Л., 1951. – С. 153 (послание Ивана Грозного шведскому королю Юхану III, 6 января 1573 г.).
 - ³ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. – М., 1985. – С. 49–68.
 - ⁴ Яковенко Н.Н. Персональный состав княжеской прослойки Волыни и Центральной Украины конца XIV – середины XVII в. Князья в свете закона и традиций // Историческая генеалогия. – Екатеринбург, 1993. – Вып. 1. – С. 32.
 - ⁵ Жданов И.Н. Сочинения. – СПб., 1904. – Т. 1. – С. 59.

мени Ивана Грозного. Однако царь Иван и Андрей Курбский не ограничиваются в своем споре отношениями царя и бояр, а о вотчинах пишут в очень узких контекстах, смысл которых не позволяет судить, действительно ли они считали вотчины «важнейшим и выдающимся пунктом» борьбы самодержавия с «боярством».

Еще одну версию – о воплощенном в сочинениях царя и князя противоборстве удельной и государственной систем – афористично выразил В. О. Ключевский: «Читая рассказ кн. Курбского об Иване IV и переписку между ними, видишь, что головы обоих корреспондентов, отдаленных потомков удельных князей, еще полны свежими удельными воспоминаниями, от которых они не умеют отрешиться даже тогда, когда замечают, что установившаяся действительность дает мало опоры этому запоздалому археологическому грузу памяти»⁶. Историк обратил внимание на высокую роль исторической памяти, традиции, связанных с «удельным» прошлым Руси. Но прошлое используется в сочинениях обоих «потомков удельных князей» для обоснования их представлений о новой «действительности».

С. Ф. Платонов подкреплял ссылками на сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского свой тезис о борьбе дворянской монархии (выраженной в опричнине) с «княжеской классовой оппозицией» (выраженной в Избранной раде)⁷. Курбский оказывается рупором оппозиции, сочетая в себе княжеское происхождение и приверженность идеалам Избранной рады. Парадокс в том, что руководящая роль княжеского класса в доопричных реформах Ивана Грозного наилучшим образом доказывается происхождением Курбского, который, тем не менее, не считал главами Избранной рады князей и смотрел на ее политику, никак не связывая эту политику с материальными нуждами своего «класса».

Линии «боярской» и «княжеской» концепций сошлись в ряде обобщающих работ. Н. П. Пав-

лов-Сильванский допускал, что тезис Курбского о захвате московскими князьями «убогих и окаянных вотчин» «можно отнести не только к борьбе с княжатами, но и к борьбе с боярами»⁸. Также П. А. Садиков со скрытой цитатой из Курбского писал о нейтрализации княжеско-боярской аристократии в годы опричнины⁹. Смягчающая формулировка «нейтрализация» не снимает двусмысленности. Если Курбский представлял борьбу царя с боярами, или княжатами, или княжеско-боярской аристократией, или «крупной феодальной знатью» как с целостной социальной группой, то, очевидно, он ошибался. Надо было только доказать, что А. М. Курбский думал именно так.

С. В. Бахрушин отметил, что Курбский выступал апологетом не всего, а только «передового боярства»¹⁰. Единство социологического языка начало разрушаться, и высказывание А. А. Зимина показало неудобства старой системы координат для понимания идейного мира публициста XVI века: «Курбский, в целом, рисуется идеологом тех групп боярства, которые понимали необходимость реформ и склонны были пойти на некоторые уступки дворянам с тем, чтобы укрепить позиции господствующего класса феодалов в целом»¹¹. Осторожные формулировки А. А. Зимина «группы боярства», «некоторые уступки дворянам» не добавляют ясности в вопрос о социальных представлениях А. М. Курбского.

Решительной критике подверг концепцию С. Ф. Платонова С. Б. Веселовский. По его мнению, опричнина была направлена не против порядков, а против личностей. Она не внесла ничего принципиально нового в политику царя, что подтверждают сочинения А. М. Курбского: «существенным и важным» для Курбского были «бессудность и потому несправедливость его [царя – К. Е.] опал и крайняя жестокость наказаний, неблагодарность к заслугам лиц, подвергавшихся опалам, неуважение к преклонному возрасту жертв, истребление людей

⁶ Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. Репринт с изд. 1902, 1892 гг. – М., 1994. – С. 236.

⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / Отв. ред. Я. Н. Щапов. Изд. 5-е. – М., 1994. – С. 91, 100, 120; Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530–1584). Виппер Р. Ю. Иван Грозный / Сост. и вступ. статья Д. М. Володихина. – М., 1998. – С. 42–47, 71, 81–82, 86; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993. – С. 203–204; Пономарев В. И. Проблема опричнины в русской историографии. / Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1946. – С. 86–87.

⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России / Отв. ред. С. О. Шмидт. – М., 1988. – С. 476.

⁹ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. – М.; Л., 1950. – С. 63.

¹⁰ Бахрушин С. В. Иван Грозный. – М., 1945. – С. 88, 94–95.

¹¹ Зимин А. А. Русская публицистика конца XV–XVI вв. – М., 1959. – С. 39–40.

«всеродне», т.е. с женами, малолетними детьми и ни в чем не повинными родичами»¹². Выходит, «все притязания Курбского сводятся к тому, чтобы не быть битым без вины и без суда, а в оправдание своего отъезда он ссылается не на право отъезда, хотя бы устаревшее и вышедшее из употребления, а на Евангелие, которое не только разрешает, но и рекомендует бежать от верной смерти, чтобы не совершить «великого греха» самоубийства»¹³. Никаких иных требований («притязаний») беглый боярин, по мысли С. Б. Веселовского, не выдвигал и не предполагал никакой систематической борьбы Ивана Грозного против феодальной знати. Например, Курбский, не зная истинных причин, списал гибель князей М. И. Воротынского и Н. Р. Одоевского на «корыстные побуждения» царя, а характеризуя их крупные владения, «имел в виду только этих двух князей и вовсе не думал распространять эту характеристику на всех русских княжат»¹⁴. Последнее замечание можно принять с той оговоркой, что в конце княжеского мартиролога «Истории о князя великого Московского делех» речь идет об этих двух князьях, но в отмеченном месте нет указаний, «думал» ли распространять Курбский характеристику их владений только на них или на кого-либо еще. Гораздо менее ясно обстоит дело с его «притязаниями»: перечисленных С. Б. Веселовским требований (а их список можно расширить) было бы достаточно, чтобы сочинения А. М. Курбского бросили вызов московскому служебному устройству и оказались в одном ряду с Мельницкой ухвалой и Генриховскими статьями.

Опричина, как показали исследования С. Б. Веселовского, Г. Н. Бибилова, А. А. Зимина, Ю. Г. Алексева, В. Б. Кобрин, С. М. Каштанова, почти не коснулась вотчин князей¹⁵.

Р. Г. Скрынников разработал точку зрения, во многом сглаживающую противоречия между исследовательскими направлениями, берущими начало в работах С. Ф. Платонова и С. Б. Веселовского, и пришел к выводу, что опричина в первую очередь нанесла удар крупному княжескому землевладению¹⁶. Б. Н. Флоря предположил, что опасность для московской власти со стороны княжеских родов действительно существовала и показал, со ссылкой на родовую память, отразившуюся в сочинениях А. М. Курбского, что Рюриковичи не считали власть московских великих князей безграничной и стремились к расширению дворянских сословных прав¹⁷.

Исследователи определяли Курбского как представителя удельного, княжеского, княжеско-боярского, дворянского или, в целом, феодального, аристократического мировоззрения. В известном смысле реакцией на социологические обобщения стало отрицание отчетливого социального самосознания князя Андрея Курбского (особенно на фоне сочинений Ивана Грозного). Противоречия исследовательских ожиданий и содержания источников выразил Я. С. Лурье, во многом опираясь на концепцию С. Б. Веселовского: «Именно в Польско-Литовском государстве, пребывающем, по его выражению, «издавна под свободами христианских королей», Курбский пришел к важной для него мысли о существовании «свободного естества человеческого» и «естественного закона», по которому должны жить люди. С позиций этого «закона» он осуждал такие явления русской жизни XVI в., как насильственное крестоцелование, препятствующее свободному «отъезду», и казни «без суда» по наветам «ласкателей». Постановка таких вопросов, конечно, имела существенное значение. Но какая же политичес-

¹² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. – М., 1963. – С. 14.

¹³ Там же. – С. 119–120.

¹⁴ Там же. – С. 33.

¹⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. – С. 156–184; он же. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // Вопросы истории. – 1946. – № 1. – С. 86–104; Бибилов Г.Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды ГИМ. – Вып. 14: Сборник статей по истории СССР XVI–XVII вв. – М., 1941. – С. 5–28; Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. – М., 1960. – С. 16–91; он же. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). – М., 1985. – С. 136–160; Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. – 1963. – № 2. – С. 96–117; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. – М.; Л., 1966. – С. 221; Зимин А.А. Опричина. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2001. – С. 192–220.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. – СПб., 1992. – С. 238–265; Корецкий В.И. Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. – Ростов-на-Дону, 1980. – С. 37–54; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). – СПб., 1992. – С. 149–217.

¹⁷ Флоря Б.Н. Иван Грозный. – М., 1999. – С. 198–201, 210–211.

кая система вытекала, по мнению Курбского, из этого «естественного закона»? Какие права она должна давать подданным и какие обязанности налагать на власть? Ответа на этот вопрос мы у Курбского не находим¹⁸. В сомнениях многое прояснилось бы, если удастся чем-то заменить понятие «политическая система» и раскрыть категорию «власть» на текстах А. М. Курбского и его современников. Упрощенный ответ не нуждается в поиске: Курбский – аристократ и его воззрения аристократические¹⁹. Но что этим сказано? Значит ли этот незамысловатый силлогизм, что «потомок независимых смоленских и ярославских властителей... не претендует на большее, чем роль слуги московских государей»²⁰? Д. С. Лихачев подвел итог распространенному мнению, когда заметил, что Курбский «не противопоставил Грозному своей собственной теории государства»²¹.

Какой бы яркой или наоборот тусклой ни была «индивидуальность» А. М. Курбского, его мировоззрение может быть изучено в рамках культурных тенденций, которые складывались в этос европейского «придворного общества»²². В этой работе внимание будет сконцентрировано на вопросе о том, в каких понятиях и с какими их подтекстами выражает придворный XVI в. А. М. Курбский отношение к княжеской власти. Ориентиром для нас во многом будет исследовательская практика, разработанная в рамках истории понятий (Begriffsgeschichte) и

«новой» интеллектуальной истории (New intellectual history)²³. Презумпцией в этих научных направлениях стала несводимость понятий к статичным определениям. Политическая лексика, в частности, рассматривается в ограниченных социальных контекстах малой и средней длительности. Понятие историзируется и прочитывается через социальные институты, формуляры источников, индивидуальное восприятие современников. В горизонтальном измерении понятие тем более осмыслено, чем более его подтекстов удастся установить в структуре источника или, соответственно, конstellации источников. Вместе с тем понятие изменчиво во времени и в вертикальном разрезе обретает объем, когда сопоставляется с употреблением сходной формы на различных стадиях индивидуальной или коллективной ментальности.

Подобного исследования политической лексики в сочинениях А. М. Курбского до сих пор не проводилось, хотя исследователи проявляют устойчивый интерес к проблемам интеллектуальной истории средневековых русских земель. Примеры исследования русских политических категорий на источниках до начала XVI в. и на некоторых официальных источниках XVI в. представляют работы Г. Штёкля²⁴, А. Л. Станиславского²⁵, В. Д. Назарова²⁶, А. Поппе²⁷, В. Водова²⁸, С. М. Каштанова²⁹, А. А. Горского³⁰.

¹⁸ Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М., 1993. – С. 234–235.

¹⁹ Лурье Я.С. Переписка... – С. 235–236.

²⁰ Елисеев С.А. «История о великом князе Московском» А.М. Курбского как памятник русской исторической мысли XVI в. / Дисс.... канд. ист. наук. – М., 1984. – С. 116.

²¹ Лихачев Д.С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. – М., 2004. – С. 208.

²² Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. – М., 2002; Maćzak A. Jedyna i nieporównalna? Kwestia odrębności Rzeczypospolitej w Europie XVI–XVII wieku // Kwartalnik Historyczny. 1993. – Cz. 4. – S. 121–136.

²³ Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought: Vol. 1: The Renaissance. Cambridge; L.; N.Y.; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1978; Modern European Intellectual History. Reappraisals and New Perspectives / Ed. D. LaCapra, S. Kaplan. – Ithaca; L., 1982; Bevir M. The Error of Linguistic Contextualism // History and Theory. – 1992. – № 3. – P. 276–298; Berkhofer R.F. Beyond the Great Story: History as Text and Discourse. – Cambridge; London, 1995; Passés recomposés. Champs et chantiers de l'Histoire / Dir. par J. Boutier, D. Julia. – Paris, 1995; Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej. – Wyd. 2. – Warszawa, 1998.

²⁴ Stökl G. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slawen // Saeculum. 1954. – № 5. – S. 104–118.

²⁵ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. – М., 2004. – С. 119–140.

²⁶ Назаров В.Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. – М., 1978. – С. 104–123.

²⁷ Poppe A. O tytule wielkoksiążęcym na Rusi // Przegląd Historyczny. – 1984. – T. 75. – S. 423–439.

²⁸ Vodoff W. La titulature princière en Russie du XIe au début du XVIe siècle // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – Wiesbaden, 1987. – Bd. 35. – P. 1–35.

²⁹ Каштанов С.М. О титуле московских государей в XV–XVIII вв. // Россия в X–XVIII в. Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. – Москва, 26–28 января 1995 г. – М., 1995. – Ч. I. – С. 228–236.

³⁰ Горский А.А. О титуле «царь» в Средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. – 1996. – М., 1996. – С. 205–212.

Здесь мы попробуем изучить творческий корпус А. М. Курбского не столько как источник по истории княжеских родов и их взаимоотношений (эта задача неоднократно решалась многими исследователями), сколько как воплощение скрытых в этом корпусе понятийных различий и общественных идеалов³¹. Прежде всего нас интересуют самостоятельные труды А. М. Курбского. «История о князя великого Московского делех» (далее – «История») вызывает исследовательский интерес всякий раз, когда характеризуются его взгляды на формирование самодержавной власти в России. Этого сочинения недостаточно, чтобы обрисовать восприятие писателем придворной жизни. Письма, переводы, глоссы А. М. Курбского, но вместе с тем и его деятельность позволяют приблизиться к целостному пониманию его ценностного мира.

Представления А. М. Курбского о княжеской власти требуют изучения в пяти направлениях, учитывая, что писатель высказывал их не систематично, а: 1) употребляя понятия «царь», «великий князь», «князь» и т. д.; 2) с помощью кратких родословных легенд; 3) похвалой индивидуальному предку (святому) или краткими сюжетными рассказами из прошлого по частным поводам; 4) скрытыми иерархическими построениями, расположением отрывков текста; 5) рассуждениями о себе и своих родственниках. При этом первый способ был предметом специальных терминологических раздумий князя, второй способ в некоторых случаях становился поводом для распространения текста за счет третьего, четвер-

тый может быть реконструирован относительно точно с помощью структурного анализа «Истории», а пятый требует реконструкции в связи с данными о родовом статусе Курбских в России и личном статусе Андрея Курбского в Польско-Литовском государстве. Источником княжеско-генеалогических представлений автора служил его личный опыт, а также воспоминания и записи, почерпнутые им в семье, при московском дворе и в эмиграции из разговоров, московского официального летописного свода, делопроизводственных документов, житий, записок С. Герберштейна.

Княжеская и царская власть

Во «Вступлении» к «Истории» истоки трагедии, постигшей покинутое отечество, определены Курбским в глубокой диахронии: «аще бы изначала и по ряду рекл, много бы о том писати, яко в предобрых русских княжат род всеял диявол злые нравы... яко и во израильских царех»³². Княжеский род восходит к князю Рюрику (хотя в целом не ограничивается Рюриковичами) и представляет правящее начало в Русской земле благодаря тому подвигу, который он совершает, защищая православие³³. Из предков московского государя кн. Андрей Михайлович призывает царя ориентироваться на «княжат русских святых»³⁴. Князьям принадлежит заслуга достижения суверенитета и объединения земли. Также и распад княжеской общности произошел, согласно Курбскому, не вследствие отвлечения от генеалогического ствола «плениц» и «колен», сепаратизма или политической борьбы. Автор подчеркивает, что царь опалился на «своих единоплемянных и

³¹ См. также: Auerbach I. Die politischen Vorstellungen des Fürsten Andrej Kurbskij // JbFgOE. N. F. 1969. – Bd. 17. – H. 2. – S. 170–186; Рыков Ю. Д. Князь А. М. Курбский и его концепция государственной власти // Россия на путях централизации. – М., 1982. – С. 193–198; Елисеев С. А. О некоторых особенностях философско-исторических взглядов Курбского // Вестник МГУ. – Серия 8. – 1983. – № 3. – С. 68–77; Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). – М., 1998. – С. 182–190; и др.

³² Текст восстанавливаем с учетом чтений в: ОР ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 301 (далее: У-301). Л. 1 об.; НИОР РГБ. Собр. Н. С. Тихонравова. № 639 (далее: Т-639). Л. 464; ОР ГИМ. Музейское собр. № 3090 (далее: М-3090). Л. 1; Det Kongelige Bibliotek København. Ny Kongelig Samling. № 327 (далее: К-327). Л. 1; ГА Ярославской области. Коллекция рукописей. Оп. 1. № 10 (далее: Я-10). Л. 2 об.; ср.: Курбский А. М. История о великом князе московском. (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»). – СПб., 1913 (далее: Ист–номер столбца / строки). Стб. 1/23–2/4, 188/29–189/3.

³³ Auerbach I. Die politischen Vorstellungen... – S. 180, 183–184.

³⁴ Ист-188/33. Среди «предков» встречаются также представители немосковских династий. Маршал Филипп фон Белл в «Истории» говорит, что Бог укрывал Ливонию как «от русских княжат, так и от литовских» (Ист-95/7-9). Однако в том широком понимании Курбским родства русских князей, о котором пойдет речь в нашей работе, Черниговские, Суздальские, Ярославские, Тверские, Литовские и др. князья попадают в число предшественников Грозного. Символическими родственниками Ивана Грозного, его «отцами» и «братьями» признаются также все его слуги, и он злом за добро «воздаст своим светлыми делы украшенным, верне служащим ему мужем» (Ист-139/21-26; Т-639, л. 530 об.; У-301, л. 96 об.). Святые правители других стран, не заявленные в «Истории» в качестве родственников московских князей, также приводятся в пример царю, скажем, король польский Сигизмунд I Старый – «воистинну яко сущии святии христианский» (Ист-138/36–139/1).

единоязычных, не противящихся ему»³⁵. Некоторые из них еще сидят «на своих уделех» и верно служат своему государю³⁶. Единый род «предобрых русских княжат» стал жертвой дьявольских козней, и это тем болезненнее для его отпрыска, что разрушение рода произошло на его глазах и роковым образом отразилось на его жизни.

Прежде всего попытаемся различить в текстах Андрея Курбского царскую и княжескую власть. Сходства между представителями обеих начинаются с того, что и те и другие так же смертны, как и остальные люди, подвержены «человеческим бедам» и равны перед Богом³⁷. Князья и цари одинаково могут быть определены как «властелии» и «начальники»³⁸. Русские князья, как уже отмечено, в начале «Истории» сравниваются с израильскими царями, что предполагает возможное сходство полномочий. Во Втором послании Вассиану Муромцеву Курбский определяет «царей и князей» как «державных», имеющих сходные обязанности радевать за державу, кротко и милостиво править суд, заступаться за землю «ото врагов чювственных»³⁹. Русские князья при великих князьях, согласно предисловию к «Новому Маргариту», воюют «в чину стратилацкове» и разбирают «дела овогда судебные, овогда советнические»⁴⁰. Автора «Истории» возмущает полная удовольствий жизнь

польского дворянства, не желавшего, по его мнению, бороться против турецких завоевателей, но вопиющим фактом для Андрея Курбского было то, что малодушны и трусливы перед лицом неприятеля «не токмо зацные их некоторые», но «и княжата»⁴¹. В деле защиты христианства князья должны показывать пример, а первый среди них поставляется на царство как воплощение справедливости и воинской добродетели, «ибо ничего ради другаго, но точию того ради и помазаны бывають, еже прямо судити и царства, врученные им от Бога, оброняти от нахождения варваров»⁴².

Однако помимо сходств кн. Андрей Курбский называет и множество различий между царями и князьями. Его лингвистические склонности, интерес к разнонаправленному переводу языковых реалий, в том числе политических, открывает один из возможных путей изучения понятийных различий. С помощью транслитерации Курбский привел в глоссах к своей «Истории» самоназвания высшей татарской знати и их русские и европейские соответствия. Опыт переноса мусульманского политического языка на христианский интересен для нас тем, что позволяет соотнести ряд понятий в социальном тезаурусе А. М. Курбского⁴³.

Обратимся к понятиям высшей власти. «Царями» кн. Андрей Михайлович определяет

³⁵ Ист-127/31-33.

³⁶ Ист-128/10-12, 128/21-24.

³⁷ Kurbskij A.M. *Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteleer Handschrift* / Hrsg. von I. Auerbach (далее: NM). Giessen, 1982. Bd. 1. Lfg. 5. Bl. 139v/13-16, 143v/7. Anm. d.

³⁸ Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / Hrsg. von J. Besters-Dilger unter Mitarbeit von E. Weiher, F. Keller und H. Miklas. Freiburg, 1995 (далее: DJD). S. 114-29a/3. Anm. 3°, 230-58a. Anm. 25^{oo}.

³⁹ Сочинения князя Курбского / Под ред. Г.З. Кунцевича. – Т. 1 // Русская историческая библиотека, изд. Императорской Археографической Комиссии. – СПб., 1914. – Т. 31 (далее: РИБ – номер столбца / строки). Стб. 394/4-12, 395/5-18; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / Подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. – М., 1993 (далее: ПИГАК). – С. 115 (л. 155 об.). Ср.: NM. Giessen, 1982. Bd. 2. Lfg. 7. Bl. 199v/19-22, 200/21-22; DJD. S. LVI. Anm. 20^{oo}; ОР ГИМ. Синодальное-219. Л. 58 об., 114 об.

⁴⁰ NM. Giessen, 1976. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 6v/9-14.

⁴¹ Ист-83/20 и далее; Лурье Я.С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 году: (По материалам Венского архива) // АЕ за 1957 год. – М., 1958. – С. 462, 465.

⁴² Ист-79/11-15. Здесь скрыто цитируются слова апостола Павла, встречающиеся также в ответе Стефана Батория от августа 1581 г. на письмо Ивана IV: «Бо для того кролеве суть постановлены, яко святыи Павел мовит, на злые меч носят, а которые с королев подданных своих, могучи, не боронит и допустит их мордовати, тогда яко бы их сам своею рукою мордовал» (Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). – Ф. 79 (Сношения России с Польшей), оп. 1, кн. 13, л. 326, 336-337). Это замечание вызвало несогласие Ивана Грозного, который понимал апостола иначе: «А что он припоминает святого апостола Павла, что княз не туне меч носит, и то он пишет гордостию: Павел то писал повинным, а не брату к брату» (РГАДА. – Ф. 78 (Сношения России с римскими папами), оп. 1, кн. 1, л. 272). Царь, видимо, подразумевает, что апостол обращает свои слова ко всем покорным власти, и приводит эту цитату, король по отношению к своему адресату занимает оскорбительную для царя властную позицию (ср.: Рим. XIII: 4).

⁴³ Pelenski J. *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. The Hague; Paris, 1974. – P. 53–56.

«великого царя ордынского»⁴⁴, правителей крупнейших мусульманских орд (Казанской, Астраханской и Крымской)⁴⁵, турецкого султана Сулеймана⁴⁶, западных королей⁴⁷, израильских библейских царей⁴⁸, венчаных на царство римскими папами «западных царей»⁴⁹ и венчаных на царство патриархами восточно-христианских монархов Византии, Сирии, Болгарии, Сербии, Русской земли (в том числе вел. князей Владимира Мономаха, внука Ивана III Дмитрия, Ивана IV, вел. княгиню «царицу» Анастасию)⁵⁰, а также «Царя Небесного» (Триединого Бога, Бога-Отца с Богом-Сыном или одного Христа)⁵¹. «Цесарями», согласно Курбскому, были римские императоры⁵². Христианских императоров государств, наследующих Риму (Священная Римская Империя, Византия), он также называет «цесарями», а их жен «царицами»⁵³, признавая в качестве основания для перехода в этот сан также «помазанье царское»⁵⁴.

Ни о каких обрядах поставления на царство у восточных (мусульманских) правителей А. М. Курбский не сообщает и ни разу не ис-

пользует понятие хан, но его замечания о татарских царях и восточных царствах заслуживают особого внимания в рамках нашей работы. В Повести о казанском взятии «Истории» содержатся следующие комментарии: «юрт [гlossa: юрт измаильтеским языком абыкло нарицатися кралевство або царство само в собе стоящее]... и место главное, идеже престол царев был»⁵⁵; «и отдаша нам царя своего со единым корачом што наиболшим их [гlossa: со персоветником]... Царю их было имя бусурманское Идигер, а князю оному Зениеш»⁵⁶. Юрт, королевство и царство для А. М. Курбского синонимичны по объему власти – они самостоятельны, то есть суверенны, и в частном случае имеют престольный (столичный) город. В этом смысле представления Курбского сходны как с тюрко-татарской исторической традицией, так и с ее преломлением в московском делопроизводстве, где слово «юрт» «употреблялось в качестве синонима независимого государства (ханства)»⁵⁷. «Королями» или «кролями» обычно князь называет западных и также суверенных

⁴⁴ Ист-55/27, 124/9-17.

⁴⁵ Ист-8/13, 8/23-24, 13/16-17, 15/1-2, 22/29, 23/30, 24/34, 26/34, 34/17, 36/25-26, 38/26-27, 38/32-33, 39/2, 39/14-21, 40/13, 40/17-32, 60/23-24 – 65/37, 77/26-27, 87/24-25, 126/29, 129/33, 143/14-15, 146/1, 166/30; ПИГАК. С. 109 (л. 144); DJD. S. LVI. Anm. 2000.

⁴⁶ Ист-94/4-5. Прим. 15.

⁴⁷ Ист-94/4-5. Прим. 15; ср.: Ист-93/15-16.

⁴⁸ Ист-3/23, 188/30-31.

⁴⁹ NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 4v/17. Anm. с. Здесь могут подразумеваться как короли, так и императоры. Курбский западных королей также называет царями. Один титул накладывается на другой в рассказе о Лыковых: «король» Сигизмунд I Старый распоряжается плененную семью Матвея Лыкова содержать «во своих царских полатах» (Ист-138/36 - 139/4; Т-639, л. 530 об.).

⁵⁰ NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 4v/17. Anm. с; DJD. S. LVI. Anm. 2000; Попов А.Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. – М., 1872. – С. 118 (л. 66 об.); ПИГАК. – С. 109 (л. 144–144 об.); Ист-180/5-9, 187/29-30; ср.: РИБ-391-392.

⁵¹ Ист-133/26 – 134/23, 191/15; NM. Bd. 1. Lfg. 5. Bl. 128/24, 133/4, 135/6, 143v/11, 146/1, 148/1-2, 148v/15-18, 150v/13-18, 151/15 и сл.; Ibid. Giessen, 1982. Bd. 2. Lfg. 6. Bl. 160/17-19, 167/19-26 (= Ист-111/10-25), 171/2-3, 181v/2-5; Ibid. Bd. 2. Lfg. 7. Bl. 191v/23-24, 197v/14-15, 199v/1, 199v/16, 200v/5 и сл., 211v/18-20, 219/2, 219/18-19, 221/14-15, 222/5-6; Ibid. Giessen, 1985. Bd. 2. Lfg. 8. Bl. 232/12, 233v/14-15, 237/24, 239v/10, 243v/11 и сл., 249/27, 250/21-22, 250v/11, 251/13-14. Anm. с.

⁵² NM. Bd. 1. Lfg. 5. Bl. 154. Anm. с.; ПИГАК. – С. 114 (л. 154).

⁵³ Жены цесарей определяются «царицами» и в московском Посольском приказе (РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 222 об.).

⁵⁴ NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 4v/24 – 5/9; Ист-4/4. Прим. 12, 79/11-15, 79/29-31, 93/17, 101/3-4, 101/26, 180/5-9, 187/29-30. В литературном кружке А.М. Курбского Imperator переводится как «цесарь», Imperatrix – «царица», проявление экзотического буквализма в Romani Imperii causa – «ради римскаго скипетра», caelestis Rex – «царь небесный», regna tetrae – «царства земные», reges – «царие», principes – «князие» (Калугин В.В. «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. – М., 2003. – С. 118 (л. 419/3), 130 (л. 422/24), 132 (л. 422 об./1), 134 (л. 423/11-12, 423/23), 138 (л. 424/4-8); «Житие Сильвестра папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского / Сост., предисл., коммент. В.В. Калугина. – М., 2003. – С. 38 (л. 568/9), 62 (л. 572 об./7, 572 об./26), 64 (л. 573/19), 66 (л. 573 об./1, 573 об./28) и сл., 80 (л. 577/27, 577/31), 82 (л. 577 об./19), 118 (л. 586 об./28), 122 (л. 587 об./16-17), 148 (л. 594/23)). См. также: Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). – М., 1998. – С. 140–143.

⁵⁵ Ист-40/18-20; Т-639, л. 485 об.–486; У-301, л. 27 об.

⁵⁶ Ист-40/26-30; Т-639, л. 486, У-301, л. 27 об. – 28.

⁵⁷ Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 49.

правителей – католических монархов Польши, Испании, Португалии, Франции⁵⁸.

В глоссе к переводу Слова о рождестве Иоанна Предтечи в кружке А. М. Курбского был предложен своеобразный политический идеал устройства русского царства: земли великих княжат должны находиться в подчинении царей с такими же широкими свободами, как земли «царей от Бога помазанных венцоносных» в подчинении у подлинных христианских цесарей⁵⁹. Примеры близкие к идеалу встречаются, по мнению писателя, как в христианских, так и в мусульманских государствах. Все ордынские цари занимают подчиненное положение по отношению к «великому царю ордынскому»; западные короли (цари) получают согласие на свои действия от цесаря Священной Римской империи и папы Римского; восточно-христианские цари подчинены греческому императору и патриарху Константинопольскому. Если цесари иногда упоминаются А. М. Курбским как «цари», то русские правители, удостоившиеся царского титула, ни разу не названы им «цесарями», несмотря на используемое им понятие Святорусской империи⁶⁰. Вместе с тем нет в сочинениях Курбского и его ближайших сотрудников претензий на то, чтобы аналогию княжат с царями, заявленную в цитированной выше глоссе, довести до утверждения о равенстве полномочий княжат с полномочиями московских царей. Венчание, помазание от Бога на православное царство превращает князя в главу над остальными князьями, но эта дистанция не является, с его точки зрения, непреодолимой, поскольку царь

избирается внутри всего рода по своим достоинствам⁶¹.

Как понимается Андреем Курбским род, претендующий на царский титул в русских землях? В письме Грозному от 3 сентября 1579 г. Курбский упрекает царя: «погубил еси славу блаженные памяти великих княжат русских, прародителей твоих и наших, в великой Руси царствующих блаженне и преславне»⁶². Поскольку здесь говорится о многих княжатах, можно допустить различные варианты интерпретации отрывка. Имеет ли в виду князь, что поражения царя запятнали славу отдельно князей Ярославских («наших») и отдельно Московских («твоих»)? Или славу именно их общих прародителей? Или, наконец, славу всех русских князей? Контекст фразы позволяет сузить круг ее значений. Прежде всего, нигде в своих сочинениях А. М. Курбский не пишет, что в период монгольского ига кто-либо из русских князей был царем; и наоборот: «еще в неволе были княжата русские у ордынского царя и от его руки власти приимовали»⁶³. Ближайшие предки Ивана Грозного также не удостоились от Курбского царского титула. Следовательно, «блаженне и преславне» князь царствовали до татаро-монгольского нашествия.

В «Истории» «Великая Русь» равнозначна актуальному для автора Святорусскому царству⁶⁴. Очевидно, тот же эпитет относился Курбским к периоду до монгольского нашествия. Во втором послании царю он пишет: «Уже не токмо единоплемянных княжат, влекомых от роду великого Владимира, различными смерт-

⁵⁸ Ист-93/15, 93/24-25, 138/36 – 139/1; ПИГАК. – С. 108 (л. 143 об.), 109 (л. 144, 145); ср.: РИБ-392-393; Васильев А. Д. Лексика посланий А. М. Курбского Ивану Грозному: Традиционность и своеобразие: (К вопросу о формировании стилистических норм русского литературного языка). / Дисс... канд. филол. наук. – Красноярск, 1981. – С. 113, 175–176; Цеханович А. А. Сочинения князя Курбского и полемические антикатолические традиции древнерусской письменности. К проблеме изучения источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 2000. – Т. 27. – С. 19–31.

⁵⁹ ОР ГИМ. Синодальное собр. № 219. Л. 137 об.

⁶⁰ В У-301 и традициях 2-го, 3-го, 4-го и 5-го изводов «Истории» встречается чтение «нечестивые губители всего тамошнего цесарства», где «цесарство» относится к Русскому государству (У-301, л. 68). Но в списках 1-го извода читается «царства» (Т-639, л. 514; М-3090, л. 40 об.; К-327, л. 46 об.; Я-10, л. 86 об.). В других случаях, включая ту же повесть о суде над Сильвестром и Алексеем Адашевым, на всех этапах развития текста «Истории» сохраняется написание «царство» (см. также: NM. Bd. 1. Lfg. 1. Vl. 3v. Anm. a; ПИГАК. – С. 373 (л. 142 об.). Прим. к). А. Гваньини пишет, что наименование «император Руссии» использовалось русскими и москвитями как заимствование от иноземцев, заменяющее аналогичное, с точки зрения европейца, выражение «царь всей Руссии» (Гваньини А. Описание Московии / Пер. с лат., введ. ст., коммент. Г. Г. Козловой. – М., 1997. – С. 90–91).

⁶¹ Заявление А. М. Курбского в его письме Ивану Грозному о том, что Владимир Андреевич Старицкий был «не достоин» избрания на царство, следует понимать не только как объявление о своей непричастности к разжигаемым при московском дворе слухам, но и как вызывающее для царя непризнание наследственной монархии в том ее виде, который вырисовывался по деятельности последних трех московских государей (ПИГАК. – С. 109 (л. 144 об.)).

⁶² ПИГАК. – С. 113 (л. 152).

⁶³ Ист-124/12-15.

ми поморил еси...»⁶⁵. Но «великим» (без княжеского титула) в текстах Андрея Михайловича выступает князь Владимир, который был общим предком князей Рязанских, Оболенских и Суздальских, то есть, Владимир Святославич Киевский; в мартирологе Ярославских указан их предок, также «великий», Владимир Мономах⁶⁶. Только к последнему относятся слова «славный и блаженный» в «Истории», что позволяет отождествить упомянутых в Третьем послании «прародителей» с Владимиром I Великим и Владимиром II Мономахом⁶⁷. Этих совпадений достаточно, чтобы относить «Великую Русь» в переписке к Киевскому периоду⁶⁸. Таким образом, «великой» Русь, по мнению Курбского, была с перерывом, и это позволяет пересмотреть устоявшееся в историографии понимание Святорусского царства или Святорусской империи как вневременного идеала⁶⁹.

После победы русского войска над Казанью Курбский говорит уже не о попытках казанских татар воссоздать царство, а только о

мятеже, который совершили «оставшия князи казанские», «отаманы» «воинства бусурманского»⁷⁰. Черемиса луговая попробовала создать царство и взяла себе «царя» из Ногайской орды, но потом его обвинили в бездействии и отрубили ему голову, «да царствует на высоком коле»⁷¹. Царем Казанским с 1552 г. кн. Андрей Михайлович считает только Ивана IV. Есть основания предположить, что Иван IV и стал «царем», по его мнению, благодаря взятию Казани. Курбский ничего не сообщает о венчании на царство 1547 г., а заслугой священника Сильвестра и А. Ф. Адашева считает то, что они «утверждают царя» – этот намек относится не к событиям января 1547 г. (сами «избранные» появляются только в ходе московских пожаров июня 1547 г.), а к тут же приведенному в «Истории» высказыванию Соломона: «царь, рече, добрыми советники яко град претвердыми столпы утвержен», то есть избранные советники утверждают правителя своей мудростью, а «царем» Иван назван по библейской ассоциации⁷². В повести о Казан-

⁶⁴ Ист-57/4-11.

⁶⁵ ПИГАК. – С. 101 (л. 138 об.).

⁶⁶ Ист-112/22-25 (Рязанские), 121/3-4 (Оболенские), 121/26-30 (Суздальские), 123/35-37 и 124/25-27 (Ярославские). См. также: Schakhovskoy D. *Idéologie et société en Russie XIe–XVIIe siècle* // *Revue des Études slaves*. – Paris, 1991. – Vol. LXIII. – № 1. – P. 217–227.

⁶⁷ Эпитет «Великий» постоянно выступал предикатом к имени императора Флавия Валерия Константина, в том числе в сочинениях А. М. Курбского (ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 9. – С. 29, 148; ПИГАК. – С. 114 (л. 153 об.), 115 (л. 155 об.)). В русской интеллектуальной традиции Владимир I Великий уподоблялся крестителю Константину I Великому, а в панегирическом «Слове на латыню» (1461–1462 гг.) и в Повести о восьмом Флорентийском соборе Симеона Суздальца (сер. XV в.) Василий II уподоблялся одновременно обоим «царям» (ПСРЛ. – М., 2001. – Т. 7. – С. 317; Т. 9. – С. 69; Водов В. Титул «царь» в Северо-Восточной Руси в 1440–1460 гг. и древнерусская литературная традиция // *Из истории русской культуры*. – Т. 2. – Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – М., 2002. – С. 546, 550–552; Korpela J. Prince, Saint and Apostle. Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. – Wiesbaden, 2001). Владимир Святославич упоминается как «царь» в русских актовых и повествовательных текстах со второй половины XIII в. (Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // *Из истории русской культуры*. – Т. 2. – Кн. 1. – С. 512–513, 521–522, 523, 525, 529–531, 535, 539; Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). – М., 1998. – С. 67). Царский титул Владимира Мономаха встречается уже в начале XII в. в послании митрополита Никифора (Водов В. Замечания о значении титула «царь»... – С. 531, 536) и подчеркивается в московской литературно-политической традиции, восходящей через «Сказание о князьях Владимирских» к «Посланию о Мономаховом венце» (1511–1523 гг.) митрополита киевского Спиридона-Саввы: «наречен Мономах и царь Великия Росия» (РГАДА. – Ф. 52 (Греческие дела), оп. 1, кн. 1, л. 98 об.–99, 101 об.; Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь // *Из истории русской культуры*. – Т. 2. – Кн. 1. – С. 490–491; Сеницына Н. В. Третий Рим. – С. 128; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. – М., 2003. – С. 276–291). Собственно, оба Владимира Великих, креститель и царь, рассматриваются современниками Ивана IV как гаранты его самодержавия (ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 13. – С. 195, 226, 492, 521).

⁶⁸ Ср.: Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь. – С. 491.

⁶⁹ Ч. Д. Гальперин говорит о «теории молчания», согласно которой в историографии Московской Руси монгольский период в предьстории России замалчивался, а преемственность намечалась сразу с Киевским государством (Halperin C. J. *Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History*. – Bloomington, 1985. – P. 45, 6174, 127). Взгляды Курбского в этом отношении резко отличаются от официальных: он пишет и о былом подчинении русских князей ханам, и о дурных последствиях этого подчинения.

⁷⁰ Ист-58/16-17, 59/22, 60/13-16.

⁷¹ Ист-66/22-39.

⁷² Ист-10/28 и сл., 12/3-7.

ском взятии Иван Васильевич фигурирует как царь или великий князь, но даже если воспринимать здесь повествовательный маркер «царь» буквально (как титул), он христианский царь без царства: о Руси говорится только как о русской «земле» и «краях русских»⁷³. О том, в каких царствах Иван Московский царствует «добре» после взятия Казани, упомянуто в заметке о покорении Астрахани: Господь «даровал ему х Казанскому другое царство Астраханское»⁷⁴. Контекст употребления прилагательного «другое» исключает в данном случае иные построения, помимо «еще одно, второе», следовательно, до того московский правитель владел только царством Казанским.

Раньше, в истории Кириллова езда (1553 г.), встречается в «Истории» «Великая Русь», но в отношении того времени, когда были благодаря советам Вассиана Топоркова «посечены» «благородные и славные мужи»⁷⁵, что при всей хронологической неопределенности повествования «Истории» не может относиться к периоду более раннему, чем падение «избранной рады» (около 1560 г.). Русская земля упоминается еще раз в похвале царю и «избранным» советникам, завершающей рассказ о кануне и первых годах Ливонской войны⁷⁶. Уже в повести о падении «избранной рады» говорится о губителях «всего Святорусского царства»⁷⁷, в рассказе походе Девлет-Гирея в 1571 г. на

Москву – об опустошении «Русские земли»⁷⁸, а в боярском и дворянском мартирологе – о «Святорусской земле»⁷⁹, «империи Святорусской»⁸⁰. В легитимного царя Иван, согласно Курбскому, превратился благодаря патриаршему благословению на венчание и уже в 1561 г. принесенной в Россию греческими послами «книге царского венчания»⁸¹. Таким образом, Русская земля не тождественна в представлениях А. М. Курбского Русскому царству (империи). Иван IV постоянно именуется в трудах Курбского «великим князем» как правитель единой Русской земли, а «царем» и «христианским царем» в разных смыслах – как поддержанный христианским «избранным советом» монарх, как царь мусульманских орд и лишь в последнюю очередь, вследствие патриаршего благословения и венчания по византийскому чину⁸², как глава Святорусского царства⁸³.

В. О. Ключевский считал, что «Курбский в истории Ивана Грозного... неохотно зовет его царем»⁸⁴. Но великокняжеский титул Ивана Грозного в «Истории» не свидетельствует сам по себе о стремлении А. М. Курбского унижить своего бывшего государя. Для подобных выводов недостает контекстов, в которых обличение царя было бы связано с развенчанием его титула⁸⁵. Как отметил К. А. Уваров, в «Истории» московский правитель фигурирует с

⁷³ Ист-13/26, 13/30, 45/31.

⁷⁴ Ист-77/21-23.

⁷⁵ Ист-57/4-11.

⁷⁶ Ист-86/14. Понятия «Русский язык» и «земля Святоруская» в повести о суде над «избранными» охватывают московскую общность неопределенного периода, предшествующего событиям повествования (Ист-107/3-14). В «Новом Маргарите» толкование «язык» к слову «народ», показывает, что подразумевается этнолингвистическая общность (NM. Bd. 2. Lfg. 7. Bl. 211/16-17, anm. f). «Руская земля» встречается четырежды в мартирологах, где охватывает одновременно все историческое время Руси, включая события, последовавшие за появлением опричнины (Ист-116/9-15, 131/18, 177/34). В предисловии А.М. Курбского к «Богословию» Иоанна Дамаскина: «яко сам аз от них слышах еще боудуще во онои роуской земле, яже под державою московского царя есть» (DJD. S. LIII-4b/21-24).

⁷⁷ Ист-102/18-19; см. также: ПИГАК. – С. 110 (л. 146).

⁷⁸ Ист-126/27-36.

⁷⁹ Ист-145/18, 146/15; ПИГАК. – С. 110 (л. 145).

⁸⁰ Ист-145/34, 147/37.

⁸¹ Ист-180/5-6, 180/22-25; У-301, л. 124–124 об.; Т-639, л. 546 об.

⁸² Атрибуты царской власти и обряд венчания отступают на задний план по сравнению с обязанностью нести крест, «ибо крест Господень всего венца царского яснейший есть и светлейше: что глаголю царский венец, и о всем самые солнечные лучи светлостию далеко превышает» (NM. Bd. 2. Lfg. 7. Bl. 199v/19-22, 200/21-22).

⁸³ Единообразие в соотношении царской и княжеской терминологии в сочинениях А.М. Курбского отсутствует. Царь, как отмечено выше, правит в равной мере в «царстве» и «земле». Обратный случай: крымский хан собирается в 1572 г. «самого того князя великого выгнати из царства его» (Ист-126/35-36).

⁸⁴ Ключевский В.О. Боярская Дума... – С. 274.

⁸⁵ Непризнание царского титула Ивана IV было одной из основ польско-литовской дипломатии в отношениях с Московским государством в 1547–1634 гг. Заглавие «Истории» отражает принятый в Речи Посполитой титул восточного соседа – «князь великий Московский». Но вызывающим для московского читателя заглавием не ограничивается взгляд А.М. Курбского на политический статус его бывшего государя.

царским титулом в 90, а с великокняжеским только в 14 случаях⁸⁶. Наши подсчеты, проведенные на основе У-301, подтвердили выводы К. А. Уварова о великокняжеском титуле, но его наблюдения за встречаемостью царского титула требуют уточнения. Титул «царь» в именительном и косвенных падежах применительно к Ивану IV встречается в «Истории» 145 раз⁸⁷. К ним можно прибавить 17 случаев, когда титул выступает в форме относительного прилагательного, указывающего на царя Ивана в таких конструкциях, как «царев приход», «царские шатры», «царский венец», «здравие царево», «повеление царево», «полк царский великий», «воины царские», «дворянин царев», «умышление царево», «глагол царев», «исповедник царский», «брат царев», «суд царский», «лицо царево»⁸⁸. И еще в 27 случаях царский титул великого князя Московского следует из контекста (речь идет о его сане, царстве или о том, что он царствует, о царице, о предшественниках-царях и т. п.)⁸⁹. Итак, в «Истории» имеется 189 фактов признания Курбским царского титула Ивана IV, причем, бросая многочисленные обвинения в адрес московского правителя, автор ни разу не совершает выпадов против его царского достоинства. Царский титул Ивана IV упоминается в экспрессивных пассажах о его утверждении на царство, о его бывшей славе как «доброто и нарочитого царя», о выполнении им царских обязанностей защиты границ от врагов, о верной службе автора и других советников и воевод своему царю, в сравнениях Ивана с другими «христианскими» и «западными» царями и с его отцом и дедом, которые упоминаются только как великие князья. Косвенным подтверждением признания за царем

его титула может служить то, что А. М. Курбский неоднократно обращается к нравоучениям о царствах вообще и исторических царствах, с которых московский царь, по его мнению, должен брать пример.

С. А. Морозов обнаружил расхождение в двух рассказах «Истории» о рождении Ивана Грозного и изменение его образа от человека, несправедного царя в «кронице» до сына сатаны, апокалипсического зверя в мартирологах⁹⁰. В. В. Калугин, полемизируя с С. А. Морозовым, отверг (со ссылкой на сюжетное совпадение «Истории» и главы «Об антихристе» четвертой книги «Богословия» Иоанна Дамаскина) концепцию «идейного или композиционного противоречия между частями «Истории»»⁹¹. Если отвлечься от «идей» и «композиции», замечание о расхождении образов царя Ивана может быть подкреплено наблюдениями за контекстами, в которых в «Истории» появляется царский титул Ивана Московского. Во Вступлении к «Истории» заявлено, что с правителем что-то «приключилось», раньше он был иным. Царь в прошлом – добрый, славный своими подвигами, готовый погибнуть за отечество. Применительно только к этому периоду, верхней границей которого является падение «избранной рады», А. М. Курбский пишет о царе, называя его «нашим», «своим» и «моим», причем если в военных повестях «нашим» царь может быть в оппозиции к татарским царям, то за пределами военных повестей на первый план выступает иная семантика, имеющая прямое отношение к идеалам Курбского⁹². Уже в повести о падении «избранной рады» ласкатели «опровергают» христианского царя, а верная служба Алексея Адашева

⁸⁶ Уваров К.А. Князь А.М. Курбский – писатель: («История о великом князе Московском»). / Дисс. . . канд. филол. наук. – М., 1973. – С. 88–92.

⁸⁷ У-301, л. 1, 4, 5 об. (2 раза), 6 об., 7 (3 раза), 7 об., 8 об., 9 об., 10 об., 11 об., 12 (2 раза), 13, 15 об., 17 об., 18, 19 об. (3 раза), 20, 20 об., 22, 26 (2 раза), 27 об., 28 об., 30 об., 31 об., 34 (2 раза), 34 об., 35, 35 об. (2 раза), 36, 36 об., 37, 38, 38 об. (3 раза), 40, 41 (3 раза), 41 об., 42, 43 об. (2 раза), 44, 44 об. (2 раза), 45 об., 47, 47 об., 51 об. (2 раза), 52 об. (2 раза), 53, 54 об., 55, 55 об., 59 об. (2 раза), 60, 60 об. (2 раза), 62, 66 (4 раза), 67, 67 об., 68 (2 раза), 68 об. (3 раза), 69 об. (3 раза), 70, 70 об. (3 раза), 71 (2 раза), 71 об., 72, 72 об., 73 (2 раза), 73 об. (2 раза), 74, 74 об. (2 раза), 75, 77, 80, 80 об., 81 об., 82, 86, 89 (2 раза), 94, 96 об., 97 об., 104, 104 об., 108 об. (3 раза), 109 (2 раза), 112 (2 раза), 112 об., 120 (2 раза), 121 (2 раза), 122, 122 об., 123 (3 раза), 124, 125 (2 раза), 125 об., 127 об., 128 об. (2 раза), 129 об., 130 об., 131, 132 (2 раза).

⁸⁸ У-301, л. 11 об., 12, 16, 22, 23 об. (2 раза), 26, 29, 30, 33 об., 36 об., 47, 87 об., 88, 120 об., 124 об., 125 об.

⁸⁹ У-301, л. 7, 31 об., 32, 33, 35 об. (2 раза), 37, 44 об., 45, 52 об., 54 об., 59, 59 об., 69 (4 раза), 69 об., 74 (2 раза), 124 об. (2 раза), 125, 129 об. (3 раза), 132.

⁹⁰ Морозов С.А. О структуре «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского Средневековья. – М., 1982. – С. 39–40.

⁹¹ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. . . – С. 177–180.

⁹² У-301, л. 10 об., 11 об., 13, 17 об., 18 об., 19 об., 20, 20 об., 26, 30 об., 40, 41, 41 об., 42, 43 об., 44, 44 об., 45 об., 47 об., 51 об., 52 об., 54 об., 55, 60 об., 66, 67 об., 70, 71.

«царю своему» представлена в контрасте с образом царя, отошедшего от своих бывших советников. Смысловая граница использования царского титула Ивана IV в «Истории» прочерчена репликой автора о суде над Сильвестром и Адашевым: «Сей соборный царя нашего христианского таков суд!»⁹³. Во второй части царь назван «нашим» только в повести о Феодорите, когда там рассказывается о событиях, относящихся к периоду «избранной рады», а также «царем государем своим» его считает М.И. Воротынский, напрасно ссылаясь на свою верную службу⁹⁴. Во всех остальных случаях царь изображен как нечестивый царь «их» (ласкателей, опричников, губителей царства), «губитель наш», «мучитель варварский царь», «онный царь не по Бозе ходящий», «прелютый и прегордый и бесчеловечный царь», «лютый и неразумный царь», «от чаров зачатый царь», по замечанию С.А. Елисеева, утративший имя, «божий образ и подобие»⁹⁵. Наиболее остро в «Истории» поставлен вопрос о православии царя, который в начальных разделах часто не только «наш», но и «христианский» (еще М. П. Репнин, согласно «Истории», безрезультатно обращается к царю «о, царю христианский!»), а в Заклучении «свой» для «опричников» и «православный» только потому, что на нем кровь его православных братьев⁹⁶. «Нашим царем» в контраст Ивану во второй части

«Истории» постоянно выступает Христос, которому предстоит судить равным образом «так царей, яко и простых»⁹⁷. Это сближает сочинение А. М. Курбского с посланиями Стефана Батория Ивану Грозному, где открыто действия царя признаны противоречащими христианству.

Под «князьями» Курбский подразумевает ногайских правителей⁹⁸, представителей русских владетельных княжеских родов и «князя тме» (дьявола)⁹⁹. Восточные ассоциации были намечены выше, когда речь шла о взятии Казани, после которого в этом регионе остаются лишь князья. «Корача» Курбский уподобляет первосоветнику, которого в частном случае называет «князем»¹⁰⁰.

В «Истории» к выражению «нагайские улубии» читается глосса «великий князь татарский»¹⁰¹. Титул *улубия* не употреблялся в московском делопроизводстве и не получал при переводе того значения, которое придает ему в своем сравнении А. М. Курбский¹⁰². Московские государи избегали унижительных подтекстов и оберегали свой великокняжеский титул от восточных и, как будет показано ниже, западных аналогий. Как отмечает В.В. Трепавлов, слово «бий» в русской посольской практике XVI в. переводилось словом «князь»¹⁰³. Толкование *улубиев* в «Истории» осуществляется только через русские реалии, поскольку

⁹³ Ист-107/3 и сл.

⁹⁴ У-301, л. 89, 121, 122, 132.

⁹⁵ У-301, л. 86, 96 об., 97 об., 104, 104 об., 108 об., 112 об., 127 об., 128 об.; Елисеев С.А. «История о великом князе Московском» А.М. Курбского... – С. 84-85.

⁹⁶ У-301, л. 19 об., 35 об., 37, 53, 66, 69 об., 81 об., 131, 132.

⁹⁷ У-301, л. 76, 84 об., 90 об., 92 об., 108 об., 112, 116, 129, 131, 132 об.–133.

⁹⁸ Ист-13/17-18, 17/26-27.

⁹⁹ РИБ-449/18-19.

¹⁰⁰ Ист-40/26-30; Т-639, л. 486, У-301, л. 27 об.–28. Соответствие функций русских бояр и монгольских карачи-беев отмечено Дональдом Островским: Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений [1990 г.] // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Д. Маджеска; Пер. с англ. З.Н. Исидоровой. – Самара, 2001. – С. 148–149, 159. Однако трудно согласиться с исследователем. Симметрии не оказывается в численности высших советников. Карачи-беи представляли четыре главных рода в Джучиевом улусе, тогда как количество московских боярских родов уже к 1389 году и до 1530-х гг. колебалось около отметки в 10-11 (Коллман Н.Ш. Боярские роды и отношения при дворе: Образование политической системы Московского государства [1981 г.] // Американская русистика... – С. 178; Kleimola A.M. Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // Essays in Honor of A.A. Zimin. – Columbus, 1985. – P. 232–258; Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. – М., 2004. – С. 229–230. Прим. 11).

¹⁰¹ Ист-23/36-37; Т-639, л. 476; У-301, л. 15 об.

¹⁰² Пользуюсь случаем, хочу выразить благодарность М.В. Моисееву за консультации по социальной и этнической терминологии постзолотоордынских государств.

¹⁰³ Посольская книга по связям России с Ногайской ордой (1576 г.) / Подг. текста, введ., комментарии В.В. Трепавлова. – М., 2003. – С. 63. Комментар. 4; с. 70. Комментар. 55; РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 441 об.; кн. 14, л. 133 об. и др. На вопрос литовского гонца о походе на «луговых людей» царского войска в начале 1583 г. предписывалось говорить, что войско должно было усмирить «воров», «а то все государевы казанского государства князи, и мурзы, и служилые казаки, и черемиса, и чуваша, и многая рать служат государю по старому» (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 557 об.).

ку в иных случаях «великими князьями» до Ивана IV у А. М. Курбского выступают князья тверские¹⁰⁴, рязанские¹⁰⁵, смоленский и ярославский Федор Черный¹⁰⁶, литовский Ольгерд¹⁰⁷, московские Иван III¹⁰⁸, Василий III¹⁰⁹.

Князи и княжата:

Язык делопроизводства

О князьях А. М. Курбский пишет, употребляя как московскую (князь, князя, князи, князей)¹¹⁰, так и западнорусскую лексические парадигмы (княжа, княжати, княжата, княжат)¹¹¹. Обе парадигмы используются в его сочинениях «Литовского периода»¹¹². Что именно московский эмигрант мог заимствовать из политического тезауруса Московского государства, а что из реалий Польско-Литовского государства?

В Польско-Литовском государстве XVI в. принципиального статусного различия между титулами князь и княжа не обнаруживается. В ревизии волынских замков 1545 г. князья делятся на «княжат головных» и «княжат-поветников»¹¹³. Титулы применяются как синонимы, хотя князья, возводящие себя к древним русским владетельным фамилиям из Рюриковичей или Гедиминовичей предпочитают определять себя «князьями»¹¹⁴. Князья на протяжении XVI в. теряют привилегии (хоть и не без борьбы и отсрочек): в пожаловании земель (1529 г.), службе своих вассалов (1529 г.), штрафном страховании своей жизни (1529 г.), иммунитете от поветового судопроизводства (1566 г.), праве на участие в военных действиях с собственными отрядами (1569 г.), праве на наследование мест в Сенате (1569 г.)¹¹⁵. Инте-

¹⁰⁴ Ист-121/34, 134/31-32; ПИГАК. С. 109 (л. 144 об.). В Москве род тверских князей к 1581 г. также продолжал считаться великокняжеским (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 444).

¹⁰⁵ Ист-125/10.

¹⁰⁶ ПИГАК. – С. 109 (л. 144 об.). В «Истории» ни Федор Черный, ни кто-либо из его потомков «великими князьями» не названы, выделены только как «славные» (св. Федор) или «преславные» (кн. Федор Романович). – См.: Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. with a transl. and notes by J.L.I. Fennell. – Cambridge, 1965 (далее: Hist – номер страницы). По указателю.

¹⁰⁷ Ист-125/32-33.

¹⁰⁸ Ист-55/23-24, 95/18-19.

¹⁰⁹ Ист-2/15-16, 51/15-16, 166/3-4 (изначальное чтение «от князя великого московского, отца того» см.: У-301, л. 114; Т-639, л. 540 об.), 166/9.

¹¹⁰ В западнорусском языке бытовали обе парадигмы, поэтому наше название «московская форма» является условным (Damerau N. Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. – Berlin, 1963. – S. 72; Hist-5-6. n. 3).

¹¹¹ РИБ-394/4-12, 411/11, 417/4-5, 418/8-9, 418/27, 419/1-3, 419/11-12, 435/7-8, 449/18-19, 457/11-14, 457/11-14, 468/25-29, 474/8-12; ПИГАК. С. 101 (л. 138 об.), 106 (л. 140), 111 (л. 147), 116 (л. 156 об.), 118 (л. 159 об.). Н. Боретский пишет о «польской звуковой форме» слова «княжата» (Boretzky N. Der Tempusgebrauch in Kurbskij's «Istorija Velikago Knjazja Moskovskago». Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. – Bonn, 1964. – S. 27).

¹¹² О проблеме «полонизмов» Курбского в связи со степенью воздействия польского языка на западнорусский язык XVI в. см.: Тамань В.М. О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII века. / Дисс... канд. филол. наук. – Л., 1953. – С. 142–143; она же. К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л., 1961. – С. 197–204; Żurawski A. Uwagi o pożyczkach polskich w języku piśmiennictwa białoruskiego XVI i XVII wieku // Slavia Orientalis. – Warszawa, 1961. – Roc. X. – № 1. – S. 37–54; Kochman S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo. – Opole, 1975; Leeming H. Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696. Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. – Wrocław, 1976. – S. 5–118. Критику концепции прямого польского влияния на западнорусский, а также ограничение числа полонизмов в сочинениях А.М. Курбского см.: Кедайтене Е.И. Язык памятников полемической литературы Южной и Западной Руси (XVI–XVII вв.). / Дисс... д-ра филол. наук. – М., 1970; Ляпон М.В. Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений А.М. Курбского). / Дисс... канд. филол. наук. – М., 1971; Васильев А.Д. Лексика посланий А.М. Курбского Ивану Грозному... – С. 138–152; Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVIII веков. – Варшава, 1984. – С. 87–93; Grimsted P.K. The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania / By P.K. Grimsted with the collaboration of I. Suikowska-Kurasiowa. – Cambridge, 1984. – P. 7–8.

¹¹³ Яковенко Н.Н. Персональный состав... – С. 37–39.

¹¹⁴ Там же. – С. 38, 40.

¹¹⁵ Radziemiński Z. O tożsamości tytułów «kniaź» i «książe» w dawnej Rzeczypospolitej // Miesięcznik Heraldyczny. – 1908. – Roc. 1. – S. 52; Bardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. – Poznań, 1988. – S. 23; Яковенко Н.Н. Персональный состав... – С. 40–44; Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. – Warszawa, 2002. – S. 193–195, 337–338; Kempa T. Zabiegi kniaziów Oelekowiczów słuckich o uzyskanie miejsca w senacie po 1569 roku // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – 2003. – T. XLVII. – S. 65–88.

рес московских государей к западному соседу отразился на определении князей, причем в Москве проводились также реформы, направленные на ограничение прерогатив княжеской власти.

Самым ранним случаем использования западнорусского варианта в московском летописании применительно к местной титулованной знати остается пересказ приговора о местничестве июля 1550 г. списка Оболенского Никоновской летописи: «в полках быти княжатам и детям боярским с воеводами без мест»¹¹⁶. В.Н. Татищев обратил внимание на необычное для летописного свода употребление княжеского титула: «Выше [Иван IV – К. Е.] именовал братьею, а здесь Княжатами, не хотя более их и Князьями почитать, ибо уделы почти все взяты»¹¹⁷. Согласно этой версии, изъятие уделов и социальное унижение титулованной знати при Иване IV сопровождалось заменой уважительного понятия «князь» на уменьшительное «княжата». М. М. Щербатов выступил с опровержением, что в царском указе 1550 г. «наименование княжата ничего презрительного в себе не имеет» и означает там «юношество княжеских родов»¹¹⁸. При таком истолковании летописного понятия

упор делается на соседство в тексте княжат с детьми боярскими. Но «детство» детей боярских, а значит и предполагаемое «малолетство» княжат, имело весьма условное возрастное значение¹¹⁹; кроме того, в XVI в. параллельно с «княжата и дети боярские» существовала делопроизводственная формула «князи и дети боярские»¹²⁰.

Вывод В.Н. Татищева требует рассмотрения целого комплекса проблем: а) пример постановления о местничестве недостаточно репрезентативен для столь широких обобщений; б) причастность царя к данной формулировке ничем не доказана; в) понятие «князи» не перестает использоваться в летописи в традиционном значении; г) в уменьшительном значении в официальной летописи и в посольском делопроизводстве говорится не о «княжатах», а о «князьях»¹²¹; д) историк XVIII в. не учитывал западнорусского происхождения понятия «княжа» и не изучал его бытования в московской книжности¹²². Результатов поиска соответствующей терминологии в русской книжной традиции недостаточно, чтобы представить отчетливую схему различий в семантических полях князь и княжа, но некоторые наблюдения возможны.

¹¹⁶ ПСРЛ. – Т. 13. – С. 267. Происхождение текста на л. 1167–1209 об. списка Оболенского Н.П. Лихачев связывал с деятельностью А.Ф. Адашева (Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. CLXV; Зминин А.А. «Летописец начала царства» – памятник официальной политической идеологии середины XVI в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. – М., 1956. – Вып. 10. – С. 80; Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. – М., 1980. – С. 196–199). Бумага этой части рукописи польского происхождения и «резко отличная по качеству бумаги от двух других частей» (Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. // Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью [ПСРЛ. – Т. 9]. – М., 2000. – С. VII). Если справедливо предположение о связи летописных «списков черных» Алексея Адашева, изъятых после его смерти, с записями 1556–1558 гг. официальной летописи, то в расчет необходимо принять постоянное участие временщика в переговорах с польскими и литовскими послами и покровительство вдове-польке, которая жила у Адашева дома (Ист-117/29-30; Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. / Пер. с пол. Л.И. Леньшиной. – М., 1994. – Гл. III. – С. 193–238).

¹¹⁷ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Тома V и VI. История Российская. Части третья и четвертая. – М., 1996. – Ч. 4. – С. 253.

¹¹⁸ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. – СПб., 1789. – Т. 5. – Ч. 1. – С. 247–250; Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. – Одесса, 1888. – С. 271, 282.

¹¹⁹ «Молодость» служила социальным маркером еще в Древней Руси, примерами чего были статусы «уных» в дружине и «молодших братьев» в межкняжеских отношениях.

¹²⁰ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 557, 626 об. В посольском делопроизводстве употребляется также симметричный чину сын боярский / дети боярские титул княжой сын / дети княжие. Татарские князьи дети – мирзы дети ногайских правителей биев-князей или их более отдаленные потомки. – См.: Посольская книга по связям России с Ногайской ордой (1576 г.). – С. 21 (л. 347 об.), 24 (л. 352) (мирза Тинбай, мирза Урмагмет), 27 (л. 357) (мирза Каракул); РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 81, 123, 133, 697; РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 74 об.

¹²¹ ПСРЛ. – Т. 13. – С. 294–295, 299; РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 90 об.–92; РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 191 об., 197, 264 об. В XVII веке в местнических делах встречаются инвективы «князек», «князишко», и в контексте местнического дела Плещеевых с Ю.А. Чертенком Долгоруким 1659 г. они выступают как словесные оскорбления (РГАДА. – Ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 9, ст. 1092, стп. 2, л. 3–52; Маркевич А.И. О местничестве. – Киев, 1879. – Ч. I. – С. 511–513, 728; Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. – М., 1994. – С. 197. – № 1583).

¹²² См. также: Маркевич А.И. О местничестве. – С. 51–53 и далее до с. 98, 142–145, 192–193, 216; он же. История местничества... С. 271–272.

В древнерусском языке форма «княжа» и ее дериваты не фиксируются¹²³. Но в XV в. митрополит Иона в переписке с Казимиром IV (1451 г.) употребляет дат. п. *княжату* от слова *княжа* применительно к польскому королю как князю прусскому¹²⁴, а в письме верейскому и белозерскому князю Михаилу Андреевичу (около 1451 г.) им. п. мн. ч. *княжата* применительно к западнорусским князьям¹²⁵. Ошибка в склонении (*княжату* вместо *княжати*) может свидетельствовать «о необычности этой формы в великорусском»¹²⁶. В переводе речи имперского посланника Николая Поппеля 1488 г. на приеме у Ивана III говорится о германских герцогах равным образом «княжата немецкая» и «князей немецких»¹²⁷. Речь «слуги Николая» изобилует полонизмами, поэтому слово «княжата» органично вписывается в полонизированный лексический контекст¹²⁸. На отпусковой церемонии Николай называет представителей светской власти в Европе «краси и княжата и рицери»¹²⁹. Под 10 сентября 1514 г. слово «княжата» встречается в списках Никоновской летописи применительно к титулованной западнорусской и польской знати¹³⁰. В русском ответном списке имперским послам 18 декабря 1518 г. от имени великого князя Василия Ивановича говорится: «А которые панове и княжата и все люди литовские, которые еще до его [короля Сигизмунда Старого – К. Е.] государства у нас в руках были, и мы тем паном и княжатам и всем людям свободу учинили, а у него тогда наших людей никого не было»¹³¹. Понятие «княжата» здесь

относится к княжеской знати Великого княжества Литовского. Неясное употребление княжеского титула в речи Василия III из Новгородского летописного свода 1539 г.: «А вы бы, бояре и боярские дети и княжа стояли вопче с моим сыном и с моею братиею против недругов»¹³².

В московской посольской практике заимствование «княжа» было хорошо известно, прежде всего, из польско-литовских текстов. Оно встречается в переводах с латыни, в текстах из Великого княжества Литовского по отношению к христианским правителям, не считая цесаря (княжеский титул царей и московских придворных записывается по московской норме)¹³³. Я. И. Ходкевич в июне 1575 г. передавал царю через московского гонца Ф. Е. Ельчанинова предложение составить две грамоты «с жаловальным словом»: первую к М. Ю. Рыжему Радзивиллу, Я. И. Ходкевичу, О. Б. Воловичу, М. К. Сиротке Радзивиллу, вторую «и княжатам, и к панятам, и ко всему рыцерству Великого княжества Литовского»¹³⁴. Посланник Л. З. Новосильцев отвез царские грамоты, среди которых одна была направлена «и панятам, и княжатам, и шляхтичем, и ко всему рыцерству Великого княжества Литовского»¹³⁵. Новосильцев в своем отчете допускает конструкцию «до князей, и до панов, и до рыцерства»¹³⁶. Развернутое определение адресата в наказе посланнику передается также сжато «и ко всему рыцерству посполито Великого княжества Литовского», что находит соответствие в обращениях представителей

¹²³ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. 4 (изживати – моление). – М., 1991. – С. 359–365.

¹²⁴ РИБ. – СПб., 1908. – Т. VI. – № 68/1. – Стб. 566.

¹²⁵ РИБ. – Т. VI. – № 70. – Стб. 574; Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – М., 1964. – Т. III. – № 9. – С. 25.

¹²⁶ Золтан А. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. – Т. 2. – Кн. 1. – С. 768, 776, 784.

¹²⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – Т. I. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою (с 1488 по 1594 год). – СПб., 1851 (далее: ПДС). – Стб. 2, 5.

¹²⁸ См. примеры «от жадного человека», «я его милости радил», «але бых я... говорил», «иж бы я за пенязи нетбал», «и потом посольство доконал», «и певна то имели», «мусил есми явити», «зрадне а любо лихо уделал» (ПДС. – Стб. 2–8; выд мною – К.Е.).

¹²⁹ ПДС. – Стб. 11.

¹³⁰ ПСРЛ. – Т. 13. – С. 22; ср.: ПСРЛ. – М., 2001. – Т. 6. – Вып. 2. – Стб. 403–404; ПСРЛ. – М., 2001. – Т. 8. – С. 257–258.

¹³¹ ПДС. – Стб. 446447.

¹³² ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 558 (л. 421).

¹³³ РГАДА. – Ф. 79, оп. 2, д. 5, л. 1 (грамота Стефана Батория Ивану Грозному от 3 сентября 1580 г.) («княжа Курлянтское», «арцыкняжа Магнус»).

¹³⁴ Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. (далее: ПИВЕ). – Т. VII: Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.) / Ред. серии И. Граля; Сост. Л.В. Соболев. – М., 2004. – С. 28 (л. 19–19 об.).

¹³⁵ ПИВЕ. – Т. VII. – С. 58–59 (л. 68 об.–70), 62 (л. 75).

¹³⁶ ПИВЕ. – Т. VII. – С. 79–80 (л. 103).

Панов рад к представителям царя в категориях *все рыцарство и шляхта вся*¹³⁷. Этот контекст не допускает истолкования власти княжат как суверенной, но московскому Посольскому приказу было известно западнорусское понятие княжата не только в таком, но и в принципиально ином значении.

Тот же Л. З. Новосильцев услышал 28 марта 1576 г. от своего пристава Я. Я. Вишенского, что Стефана Батория отговаривали вступать на польский престол «папез римский, да княжата виницкия и иншия княжата крестьянския»¹³⁸. В посланной из-под Пскова грамоте Стефана Батория Ивану Грозному от 22 октября 1581 г. «княжатами христьянскими» названы христианские суверенные правители¹³⁹. Аналогичное употребление в переводе грамоты римского папы Григория XIII, обращенной к царю Ивану речи и памяти посла-иезуита А. Поссевино¹⁴⁰ «все крестьянские княжата», и в ответах ему «меж княжаты хрестьянскими», «и всем хрестьянским княжатам», «до княжат крестьянских»¹⁴¹. В грамотах и тетрадях римского посла встречается «с княжаты хрестьянскими», «тые княжата хрестьянские» (9 октября 1581 г.), дат. п. «княжаты» (16 ноября 1581 г.), твор. п. «княжаты хрестьянскими», дат. п. «княжатам хрестьянским» (18 февраля 1582 г.)¹⁴², род. п. «никто с княжат христьянских» (24 февраля 1582 г.)¹⁴³. В обращении королевских представителей под Ямом Запольским к русским послам княжата занимают третье место в ряду с господарем и панами радами: «А на чем приговорим и закрепим, и то господарю нашему и паном ра-

дам и всем княжатам держать твердо и неподвижно вечно»¹⁴⁴. Вновь упомянуты христианские княжата, «как и иные все цесари и короли, которые правдивое Христа Господа нашего и святых апостол Петра и Павла науки слушали», в переводе грамоты короля Стефана Антонию Поссевино от 30 ноября 1581 г. на ямзапольские переговоры – из нее очевидно, что под княжатами в королевской канцелярии понимались князья-католики в противоположность московским князьям, которые от греков «в блуд попали»¹⁴⁵. Немецкие княжата в грамоте папы Григория XIII упоминаются после цесаря, их титул отличается от королевского и синонимичен герцогскому титулу¹⁴⁶. В царской грамоте к цесарю и в Рим, посланной 15 марта 1582 г. с посланником Я. С. Молвяниновым (при А. Поссевино), цесарю предложено обобщаться с римским папой, французским и испанским королями «и с иными со всеми хрестьянскими государи», причем ниже приведено определение «со всеми хрестьянскими княжаты» вместо категорий христианских королей и всех иных государей, а в наказе Якову Молвянинову сходное определение «и со всеми княжаты» стоит после цесаря, папы римского и королей Испании и Франции¹⁴⁷. Под княжатами здесь и на переговорах в речах польско-литовских послов и А. Поссевино подразумеваются законные правители, которые по статусу ниже цесаря¹⁴⁸. Полгода спустя в обращении посольства Я. М. Збаражского к московским боярам сходным образом вместо княжат и королей говорится о государях: «а ведомо то и цысарю христьянскому и всем

¹³⁷ ПИВЕ. – Т. VII. – С. 20 (л. 6), 23–24 (л. 1112), 26–27 (л. 16 об.–17 об.); 63–64 (л. 76 об.–77), 77 (л. 98–98 об., 99 об.), 79 (л. 101–102), 117–118 (л. 162–162 об.), 126 (л. 175 об.), 128–129 (л. 178 об.–180 об.) и др.

¹³⁸ ПИВЕ. – Т. VII. – С. 131 (л. 183 об.).

¹³⁹ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 517 (в посольской книге год ошибочно «1586»).

¹⁴⁰ Переводы могли быть выполнены каким-то русином из сотрудников А. Поссевино. В любом случае, этот человек находился под влиянием западнорусской речи, в чем можно убедиться на основании исходящих от римского посла памяти (1 сентября 1581 г.), списка «о што государа великого спрашиват» (10 сентября 1581 г.), «тетрадей» с речами (18 февраля 1582 г.), где встречаются выражения: «абых мел», «маю отписати», «звлаща», «на тых которых я тут zostавлю», «або иная на мене какая прыгода прышла», «безпечне и волно», «штоб его рачыл ослобонити», «навышший папа жадает», «обещовали», «в становленю миру», «перестати не хотел», «справовати», «слушные причины», «коих бы людей о вытечки погамовал и заказал», «штоб се мог старат пишно» и др. (РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 216 об.–218 об., 243–245 об., 339–343 об.).

¹⁴¹ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 115 об., 120 об., 121, 122, 122 об., 123, 125, 129, 133 об., 134, 188, 218 об., 347 об., 423 об.

¹⁴² РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 309–309 об., 339 об., 343 об., 395; РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 530 об.

¹⁴³ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 389 об., 390.

¹⁴⁴ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 557 об.

¹⁴⁵ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 578 об. 579, 582 (в посольской книге ошибочно дата «31 ноября 1588 г.»).

¹⁴⁶ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 122–122 об.

¹⁴⁷ ПДС. – Стб. 845, 859.

¹⁴⁸ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 589 об.; кн. 14, л. 70.

государем крестьянским»¹⁴⁹. В готовящихся в августе 1580 г. переговорах с императором Рудольфом и римским папой Григорием XIII московское посольское ведомство использовало конструкцию «и по тем бы ему [Леонтию Истоме Шевригину – К. Е.] землям, по которым ему в Рим ехати х королем и ко князем дал цесар свои проезжие грамоты»¹⁵⁰. В целом, последний пример показывает, что титул *князи* московского делопроизводства применительно к международным отношениям употреблялся синонимично титулу *княжата* польско-литовских дипломатических текстов¹⁵¹.

В посольских делах с 1560-х гг. княжеский титул пишется по западнорусским языковым нормам по отношению к некоторым польско-литовским князьям. Князья Польско-Литовского государства, как Рюриковичи, так и Гедиминоичи, пишутся в посольских делах с титулом *князь*¹⁵². Известен был русскому делопроизводству и титул «княже» (от польск. *książe*)¹⁵³. В русских землях Великого княжества Литовского он встречается как синоним слова «княжа»¹⁵⁴. Титул «княже» в московских посольских материалах постоянно применяется к Радзивиллам¹⁵⁵ и составляет

последний, Седмиградский, титул Стефана Батория, причем встречается род. и дат. п. от «княже» – «княжати» (дат. п. иногда «княжате»), а в некоторых случаях в русских посольских материалах «княже» не меняет форму при склонении в род., дат. и творит. падежах¹⁵⁶. Оба случая любопытны тем, что титул Радзивиллов «княже на Олыце и Несвижу», «княже на Дубинках и Биржах» был королевским пожалованием, а не маркером принадлежности к княжескому роду, а седмиградский титул короля был воеводским под властью Турции¹⁵⁷. Сходным образом употребляется термин *княже* как показатель административной зависимости в сравнении царя статусов Ливонии в составе Русского государства и Пруссии в составе Речи Посполитой: «А Стефан корол пишетца Прусским, а в Прусех свое княже, и у него присяга с ним есть»¹⁵⁸. В некоторых случаях титулы *княже* и *князь* применяются к одним тем же лицам. Герцог Бранденбургский в царской речи к А. Поссевино сначала определен «княже Брандборский Вилгелм арцыбискуп Рижский», а затем он в род. п. назван «князя арцыбискупа»¹⁵⁹. О прусском князе говорит Иван Грозный в 1581 г.: «Сестренец его

¹⁴⁹ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 210–210 об., 211 об.

¹⁵⁰ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 9 об., см. также л. 28 об.

¹⁵¹ См. также: РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 26 об., 27 об., 28, 29, 155 об. («от ферацкого князя», «венецейской князь»), 27 («недерляньские земли князя Мотияса»), 29 («арцъкнязя Ферденанда цесарева дяди», «князя беринского», «князя софинского», «князя кливерского», «князя флоренского», «князя мантовского», «князя парминского», «князя робинского»), 32 об. («сасского князя»), 33 («беринского князя»), 93 об., 96 об., 97 об. («хрестьянские князи») и др. Итальянские «богатые и сильные княжата» в подчинении папы римского упомянуты на л. 122 об.

¹⁵² С.А. Збаражский (СИРИО. – Т. 71. – С. 206), Я.М. Збаражский (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 550 об.–551, 553, 556 об. и сл., 598, 599 об.; кн. 14, л. 1 об., 17 об., 20 об., 33 об., 42 об., 105 об., 114 об. и сл.), Василий Чарторыйский (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 43 об.), Богдан Шинков (Там же. – Л. 43 об.), Богдан Огинский (Там же. – Л. 46–46 об., 59), Юрий Павлович Друцкий Соколинский (Там же. – Л. 667–667 об., 673, 688 об. и др.), Богдан и Александр Лукомские, Ковельские-Сангушки (Там же. – Л. 718), Слуцкие (Там же. – Л. 720 об.), Острожские (Там же. – Л. 721 об.) и др.

¹⁵³ Его возникновение могло быть связано с распространенной в русской книжности с рубежа XIV–XV вв. литературной формой звательного падежа существительного муж. р. ед. ч. в функции им. п., но для обоснования этой гипотезы необходимы примеры, которые бы свидетельствовали об устойчивом бытовании этой лексемы в языке Северо-Восточной Руси (Успенский Б.А. История русского литературного языка XI–XVII вв. – München, 1987. – С. 211–212; Гальченко М.Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. / / Лингвистическое источниковедение и история русского языка: Сб. ст. – М., 2000. – С. 133).

¹⁵⁴ В Литовской метрике, например, титул Ю.К. Збаражского писался как «княжа», так и «княже» (РГАДА. – Ф. 389 (Литовская метрика), оп. 1, д. 86, л. 409 (6 апреля 1604 г.), 458 об. (30 ноября 1604 г.)).

¹⁵⁵ ПИВЕ. – Т. VII. – С. 98 (л. 131), 99 (132 об.–133); ПДС. – Стб. 579–580, 625–626; РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 551, 553; кн. 14, л. 1 об., 20 об., 33 об.; кн. 15, л. 67. Исключение составляет титул «князю Юрию Радивилу бискупу Виленскому» (ПИВЕ. – Т. VII. – С. 75 (л. 95 об.); ПДС. – Стб. 579).

¹⁵⁶ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 518 об., 528 об., 551 об.–552, 556 об.; кн. 14, л. 1 об., 19 об., 42 об., 75, 92 об., 146, 153, 474; РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 297.

¹⁵⁷ ПИВЕ. – Т. VII. По указателю. Особенно с. 110 (л. 149–149 об.), 114 (л. 156–156 об.), 116–117 (л. 160–161), 130–131 (л. 182–184); ПДС. – Стб. 642–643 и след., 659, 790, 806–808; РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 3 об., 21, 70, 72, 198–198 об., 237 об.–238 об., 259, 297; РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 12, л. 212 об., 232 об., 240 об., 298–299, 316 об., 318, 319–320; кн. 14, л. 758.

¹⁵⁸ ПДС. – Стб. 500; РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 194 об., 196.

¹⁵⁹ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 188 об.–189.

[короля Сигизмунда I Старого – К. Е.] княжате́м е́сть постано́вен в Пру́сской земле́ и ему́ голдо́вник е́сть»¹⁶⁰. Ограниченный суверенитет Пруссии («голдовник») выражен в титуле.

Интересны также титулы *княжата, княжате, княжаты*, указывающие на субъект в ед. ч. и его атрибуты в ед. ч. или во мн. ч. С титулом княжата в посольских книгах встречается «Миколай Янович Радивил, княжата Ольшский и Несвижский» или «на Ольще и Несвижу» и «Миколай Юрьевич Радивил, княжата на Дубинках и Биржах», а также Гольшанские (также принявшие титульную территорию как пожалование), что сближает этот титул с *княже*¹⁶¹. Ливонский магистр Кетлер в переводе грамоты Сигизмунда II Августа, присланной с посланником Мартином Володковым в 1570 г. определен «княжате мистр Кетлер»¹⁶². Опять же этот титул ниже, чем княжеский, что доказывается еще одним упоминанием магистра: «А князец Гедер Кетлер, бывши местером...»¹⁶³. В данном случае вначале приведено заимствование, а затем своеобразный русский перевод титула.

Австрийский эрцгерцог Карл в 1581–1582 гг. выступает в посольской книге как «арцкнязь Аустрейский княжаты Бургунский» и в переводе подписи к его грамоте как «арцкнязь Аустрейский князь Бургундейский»¹⁶⁴, а эрцгерцог Эрнест как «архикнязь Аустрейский, князь Бургундинский, Стырский, Карынтинский, Карниолинский и Витемборкенский, грабе Тиролский и иных»¹⁶⁵. Оба эрцгерцога вместе

названы в тетрадах А. Поссевино в феврале 1582 г. в род. п. «от напросветлейших арцкняжат»¹⁶⁶. В другом случае царь напоминает А. Поссевино о воцарении короля Генриха Валуа на польском престоле и перечисляет всех, кому это «ведомо»: «дражайшему брату нашему цесарю, и всем королем, и архидуком, и дуком, и князем месным, и властодержцом, и всему посполству всей италейской земле»¹⁶⁷. Здесь соблюдена строго иерархическая последовательность *император – король – эрцгерцог – герцог – князь местный – властодержец – посольство (люди)*. Объединение христианских государей мыслится также в строгой иерархии: «И папа бы сослався с цесарем и с королем ишпанским и со францовским и с ыными короли и княжаты хрестьянскими и со князем венецейским...»¹⁶⁸. В похожей конструкции А. Поссевино говорит о «княжатах италианских»¹⁶⁹. В марте 1582 г. с русской стороны было высказано предложение римскому папе сослаться «с цесарем и с ышпанским королем и со фьранцовским королем и с ангилейскою королевою и з дацким королем и с свейским и со всеми крестьянскими княжаты»¹⁷⁰. Учитывая диалог между царем и римским послом, семантические различия между титулами *князи* и *княжата* определить довольно трудно. Княжеский титул как в «восточном», так и в «западном» написании применительно к католическим суверенам передает эрцгерцогский¹⁷¹ или герцогский титул¹⁷², а с определением «местный», возможно, статус близкий к граф-

¹⁶⁰ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 264–264 об.

¹⁶¹ СИРИО. – СПб., 1892. – Т. 71. – С. 157, 199, 201, 204, 205.

¹⁶² РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 190 об.

¹⁶³ Там же. – Л. 197, 264 об.

¹⁶⁴ Там же. – Л. 101 об., 102 об., 438 об.

¹⁶⁵ Там же. – Л. 99 об.

¹⁶⁶ Там же. – Л. 341 об., 349 об.; ПДС. – Стб. 523–532 (здесь в речи имперских послов эрцгерцогский титул Эрнеста передается в полонизированном виде), 534–535 (полонизм сохраняется, но без префикса: «княжату Эрнеста», «княжата Эрнест»), 537, 541, 544, 550–555 и далее (в ответных речах московитов «архикнязи», «Эрнеста князя», «архикнязь Эрнест», но также полонизмы в им. п. «арцкняжата Эрнест», «княжата Эрнест» или «арцкняже Эрнест», род. п. «арцкняжаты Эрнеста» или «княжаты Эрнеста», дат. п. «арцкняже Эрнесту» или «княжате Эрнесту», вин. п. «арцкняжату Эрнесту», твор. п. «с его княжате́м с Эрнестом»), 830 («а два брата цесаревы Эрнест да Максимилиан живут в Ведне арцкняжатами Раковскими»).

¹⁶⁷ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 157–157 об.

¹⁶⁸ Там же. – Л. 355, 440–440 об.

¹⁶⁹ Там же. – Л. 389 об.

¹⁷⁰ Там же. – Л. 420 об.

¹⁷¹ Данный титул (Archidux, Ertzhertzog) в посольских книгах со времен Ивана III встречается в полной и частичной транслитерации и в виде кальки: «архидука» или «архидукс», «архиарцух», «архикнязь», «навышший князь» (ПДС. – Стб. 66, 68, 70, 107, 108, 116, 117, 118, 129, 1503, 1507).

¹⁷² Власть герцога признается частично суверенной: «а те арцогии на своих государствах, а голдуют цесарю» (ПДС. – Стб. 758). Герцогский титул передается в посольских книгах также с помощью княжеского титула или с добавлением транслитерации: «Мекольборский князь», «князь арце́г Август», «до курферста арцега князя Августа» (Статейный список Константина Скобельцына (1573–1574 гг.) / Подг. публ. Я.С. Лурье; Комментар. Н.А. Казаковой // АЕ за 1979 год. – М., 1981. – С. 311 (л. 147 об.)). Иногда к герцогам применяется определение «большие князи» (ПДС. – Стб. 868).

скому¹⁷³. Понятие *княжа* со всеми рассмотренными вариациями в переводах московского посольского ведомства наиболее близко к титулам «князец», «князь местный»; в нем заложен подтекст административного подчинения «голдовника» суверенным (эриц-)князьям, королям, цесарю.

Русские *князья* также иногда упоминаются с титулом *княжа*. В июле 1563 г. гонец А. Ф. Клобуков и в конце ноября 1565 г. посланник В. М. Желнинский должны были объявлять в Великом Княжестве Литовском, что «княжата и дети боярские со всем служебным нарядом по своим именьям наготове»¹⁷⁴, московский государь «всегда наготове на коне сидит, а княжата и дети боярские живут по домом наготове»¹⁷⁵. Проезжая грамота Антонию Поссевино в сентябре 1581 г. адресована «бояром нашим и воеводам, князем и княжатам и детям боярским дворовым и городовым московские земли всех городов и ноугородские земли князем и детям боярским помещиком и псковским и торопецким да и Лифляндские земли всех городов князем и детям боярским помещиком да и головам стрелецким и их приборам сотником стрелецким и стрелцом и всем воинским людем и нашии отчины князем и уланом казанским и князем астараканским и князем черкасским пятигорским и князем нагайским и мирзам и казаком да и князем и мирзам крымским и черемисе казанской и чуваше и башкирдом да и городецким сеитю да уланом и князем и мирзам и казаком да и кадомским и темниковским князем и казаком и мордве и бортником и всем мешчерским людем и немцом и фрязом и желнырем и черка-

сом каневским и вятчаном и пермичем и всем воинским людем руси и татаром и литве и фрязом и немцом и черкасом»¹⁷⁶. Категория княжат в данном случае приложима только к Московской земле (без Новгорода, Пскова, Торопца, Ливонии, южных, юго-восточных и восточных земель Русского государства). Можно предположить, что она симметрична статусу детей боярских городовых, то есть представляет местную власть в Московской земле.

В избе для богословского диспута с А. Поссевино Иван Грозный оставил «у себя бояр и дворян сверстных и служилых князей, которые по лавкам сидят, а столников и дворян, которые на околничем и под околничем сидели, выслатъ велел»¹⁷⁷. На крестоцеловальной церемонии утверждения ямзапольского договора 15 июля 1582 г. в Москве царь указал присутствовать на церемонии «княжатам и дворяном всем», «а протопопу велел выйти вон»¹⁷⁸. Именно эти две категории служилых людей (*княжата* и *дворяне*) были связаны с придворной службой, но надо полагать, под *княжатами* в данном случае подразумеваются находящиеся при дворе *служилые князья* великого князя, а под дворянами не титулованное окружение царя (кроме представителей духовенства), включая «бояр»-участников июньских и июльских переговоров 1582 г.¹⁷⁹

Проведенное терминологическое исследование показывает, что до правления Ивана Грозного в Московском государстве «западная» парадигма княжеского титула почти не употреблялась и встречается в определении западнорусских князей. Заимствование титула

¹⁷³ Графский (а также ландграфский и маркграфский) титул передается в московских посольских материалах с помощью транслитерации и княжеского титула. В развернутом титуле цесаря Священной Римской империи указывается «грабе Аушпорскому», в переводах имперских грамот «княжной граф Аушпорский», «княжата и граф Апсборский», «княжатоу граф Апсбургский», «княже и граф Аушпорский», «княженной граф в Хабшпурску», «князь... Апшпурский» (ПДС. – Стб. 649, 652, 661, 714, 724, 726, 743, 766, 771, 835, 840 и др.).

¹⁷⁴ СИРИО. – Т. 71. – С. 155.

¹⁷⁵ Там же. – С. 323.

¹⁷⁶ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 286–287, 287 об.–288 (здесь за «башкирдами» следует «царев двор»). Сходная грамота, но с царями, царевичами, помещиками луцкими и ржевскими, мызниками и латышами, чухной Ливонской земли, выдана 9 января 1564 г. литовским послам во главе с Ю.А. Ходкевичем (СИРИО. – Т. 71. – С. 313; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... – С. 381–383).

¹⁷⁷ РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 365 об.

¹⁷⁸ РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 243 об.

¹⁷⁹ В договоре об обмене пленными и выкупе высокопоставленных московских пленными от 13 июля и в грамоте о ливонских шведских городах от 15 июля упомянуты бояре Н.Р. Юрьев-Захарьин (боярин, наместник Новгородский), Б.Я. Бельский (оружничий, наместник Ржевский), А.Ф. Нагой (думный дворянин, наместник Можайский), Р.В. Алферьев (думный дворянин, наместник Козельский), дьяки А.Я. Щелкалов, А.И. Демьянов, И.Ф. Стрешнев, подьячие С. Фролов, З. Свизев (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 226 об.–227, 233 об.–234, 249 об.–250, 253 об.–254).

княжца в 1550-е – 1580-е годы произошло через Посольский приказ со значительным семантическим смещением. Под *княжатами* в текстах Великого Княжества Литовского подразумеваются христианские владетельные суверены и носители соответствующего титула. Ограниченный суверенитет обозначается при этом конструкциями *княжца на / княже (на) / княжате (-а, -ы)*, служащими предикатом не столько лица, сколько его определенного владения. В московской дипломатической практике титул *княжата* в отношении католических держав часто сохранял обозначенный смысл и употреблялся как транслитерация. Его переводами были *князцы, служилые князи, местные князи*. Применительно к русским князьям, а иногда также к суверенам Польско-Литовского государства и других католических стран он обозначал зависимых князей, «голдовников» суверенной княжеской, королевской и царской власти, а также придворных служилых князей московского государя. Однако обратный перевод княжеского титула русских князей, зависимых от власти царя и великого князя, в герцогский титул в посольских материалах не встречается. Титул эрцгерцога, получивший в России соответствие *наивысший князь*, никогда не применяется к московским великим князьям, надо полагать, по той причине, что в Москве он считался слишком низким для государя, равными которому считались только султан и цесарь. Московские политические реалии времени Ивана IV были таковы, что титул великого князя считался более высоким, нежели эрцгерцогский, а титул любого его подданного князя

неизменно более низким, чем герцогский (причем удельные князья в посольской документации никаким специальным титулом не выделяются¹⁸⁰).

Московский делопроизводственный язык в XVI веке понизил иерархическое положение князей по отношению к другим служебным категориям двора. В проездной грамоте Василия III «к воеводам и ко князем» великий князь обращается к «князем и воеводам нашим, и нашим детям боярским и наших князей и воевод и детей боярских слугам, и всем нашим ратным людям, которые наши люди в нашего недруга в Литовской земле»¹⁸¹. В разрядных документах и упоминаниях служебных назначений *княжата (князья)* стоят после царя, бояр, воевод, высших дворцовых чинов, но всегда перед детьми боярскими¹⁸². Не исключено, что в летописании схема *княжата – (дворяне) – дети боярские* возникла во второй половине 1550-х гг., так как в более ранних летописных записях в сходных контекстах титулованная знать не выделяется как особая группа¹⁸³, а в иных случаях в официальной летописи используется московская собирательная лексема «князи»¹⁸⁴.

В московском делопроизводстве, видимо, категории *дворян* и *детей боярских* развились из соответствующих категорий *детей боярских дворовых* и *детей боярских городовых*¹⁸⁵. Категория *детей боярских* сложилась к середине XV в. из слуг вольных, составлявших основу территориальных княжеских ополчений Русского государства¹⁸⁶. Дети боярские в источниках XVI в. часто фигурируют как городовые служилые люди и как служилые люди

¹⁸⁰ Сходство эрцгерцогов с московскими удельными князьями можно предположить по отчету Я.С. Молвинина о его поездке в Империю и Рим в 1582 г. Он, в частности, отмечает, что цесарь Рудольф II не отпускает от себя своих родных братьев Эрнеста, Матияша, Максимилиана и Венцлава: «а все не на уделех: живут с братом своим с Рудельфом цесарем»; и далее: «а сильнее цесаря казноу его удельной саской князь Август...; а коли живет большое собрание, и тогда ему на пособь дают дяди его, удельные князи его области, саской князь да боравские князи» (ПДС. – Стб. 889–890).

¹⁸¹ ПДС. – Стб. 409–410.

¹⁸² ПСРЛ. – Т. 13. – С. 270.

¹⁸³ При этом в московском разрядном делопроизводстве уже в конце XV в. принято выражение «князи и дети боярские» (Назаров В.Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. – СПб., 2002. – С. 571, 573).

¹⁸⁴ ПСРЛ. – Т. 13. – С. 142, 147, 148, 149, 159, 160, 162, 180, 192–194.

¹⁸⁵ Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печ. А.А. Зимин. – М.; Л., 1950. – С. 103 (л. 167 об.–168); РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 286–287, 287 об.–288.

¹⁸⁶ Бенцианов М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. / Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 17–18.

государя, государевых служилых людей, митрополита и владык¹⁸⁷. Их служебное положение обязательно ниже любого думного чина или того статуса, по отношению к которому они определяются соответствующим генонимом¹⁸⁸. Необычное употребление «думные дети боярские» применительно к «ближней думе» царя в грамоте Станислава Миколаевича Паца к боярскому совету во главе с Никитой Романовичем Юрьевым от 6 ноября 1583 г. было откровенным оскорблением и вызвало протест в Москве. Как сказано в приговоре царя с боярами и в грамоте польскому королю от декабря 1583 г., С.М. Пац «бояр писал укоряючи, называл детми боярскими», «бояр наших писал укоряючи и называючи их простым именем детми боярскими», «бояр государя нашего пишет детми боярскими думными»¹⁸⁹.

Менее четким предстает в источниках времени Ивана Грозного различие между дворянами и детьми боярскими, упоминание которых в сочинительных конструкциях не создает прочных оснований для статусного разграничения. В торжественной церемонии принятия посла римского папы Григория XIII и затем на застолье при царе и царевиче Иване были *бояре* и *дворяне*¹⁹⁰. В первые дни правления Федора Ивановича на приеме посольства Льва Сапеги *дворяне* участвуют в церемонии вместе с детьми боярскими и с дьяками, а *дворяне большие* при царе и боярах¹⁹¹. Иногда категории *дети боярские* и *дворяне* взаимозаменяемы

при том, что «лутчими людьми» царя определяются *добрые дворяне*¹⁹². К Антонию Пасевину «для бережения» были направлены с приставом *голова из дворян*, «а с ним детей боярских до ста человек»¹⁹³. Чтобы иерархически отличить дворян от детей боярских, среди дворян выделяют «больших», «добрых», «голов»; эти характеристики применимы к детям боярским¹⁹⁴, но сходных случаев, когда бы преимущество над дворянами с помощью подобных определений приписывалось детям боярским нами не обнаружено (встречаются последовательности *дворяне (-ин)* и *дети боярские, сын боярский и дети боярские*; отсутствие последовательности *дети боярские (сын боярский)* и *дворяне* значимо как признак наметившейся иерархии)¹⁹⁵. В отношении с Речью Посполитой королевские дворяне отличались от шляхты с более очевидным статусным подтекстом, нежели *дворяне от детей боярских* (в грамотах о размене пленными от 1582–1583 гг. русские «дети боярские всех родов» занимают такую же позицию в иерархии пленников, как и «польские и литовские шляхтичи»)¹⁹⁶.

С точки зрения отношения центра и регионов в московском делопроизводстве середины XVI века утверждалось представление об административном подчинении как князей, так и светских детей боярских непосредственно великому князю¹⁹⁷. Но если в источниках встречаются упоминания «своих детей бояр-

187 ПДС. – Стб. 194; Посольская книга по связям России с Ногайской ордой (1576 г.). – С. 16 (л. 339 об.); РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 320 об.–321, 490, 568 об., 584.

188 В отчете Леонтия Истома Шевригина о поездке в Рим в 1580–1581 гг. в том же смысле употребляется понятие «папин сын» применительно к римскому наместнику Якубу (РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 16 об., 17). Представители рыцарства на имперской службе определены в статейном списке К. Скобельцына «детьми боярскими» (Статейный список... – С. 314 (л. 153)).

189 РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 763 об., 764, 773, 776, 789. Король признал действия витебского воеводы несанкционированными (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 15, л. 16, 17–17 об.).

190 РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 81, 92.

191 РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 15, л. 33 об.–34.

192 РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 572–573, 587–587 об., 613–613 об., 658, 681 об.

193 РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 41, 54, 56 об.–57.

194 ПДС. – Стб. 174–175, 179–182, 187–188, 503, 505–506; РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 41–41 об., 42 об., 53 об., 54 об., 68.

195 См., например: Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. – М., 1986. Приложение к главе V. – С. 178 (л. 18). О тенденции в складывании статусного отличия дворян от детей боярских свидетельствует чин думного дворянина и церемониальной чин дворянина и наместника. Как отметил А.И. Маркевич, «постоянство в упоминании сперва дворян, а потом детей боярских наводит на мысль, что первый чин в XVI–XVII в. был несколько выше» (Маркевич А.И. История местничества... – С. 167).

196 РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 359 об., 364 об.–365, 634 об., 643 об., 705 об., 716 об.

197 В 1581–1582 гг. царь отделял «князей» от «людей», но называл последних в ряду своих управленцев: «наши князи и намесники и волостели украинные» (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 470 об.; кн. 14, л. 274, 287).

ских» царя, то князей «своими» в русском делопроизводственном этикете от имени царя было называть не принято¹⁹⁸. В середине 1570-х гг. в Шумиловском томе Лицевого летописного свода в летописный текст под маем 1532 г. была интерполирована запись о крымской вести и о посылке Василием III на Коломну воевод, «а с ними княжат и дворян своего двора и детей боярских из многих городов бесчисленно много»¹⁹⁹. Очевидно, к «своему двору» великого князя здесь относятся только дворяне, которые отличаются от детей боярских местом службы в оппозиции *центр – регионы*.

Приниженный статус, обозначаемый словом «княжата», заметен и в отрывке Архивной Ростовской летописи XVII в., который А. И. Маркевич изучил в связи с местническим делом декабря 1575 г. Ж. И. Квашнина с Ф. А. Бутурлиным. Здесь княжата, якобы выехавшие в Москву на службе у Родиона Нескотовича, упомянуты после его сына Ивана и перед детьми боярскими и двором²⁰⁰. Наполненная многими фактическими несообразностями, эта запись тем не менее точно передает представления второй половины XVI в. о служебном статусе «княжат».

Таким образом, уже ко второй половине XVI в. произошла рецепция западнорусского слова *княжа* (*княже*) во внутреннем делопроизводстве Московской Руси, но встречается оно редко, главным образом в собирательной форме множественного числа и по отношению

к титулованным лицам, занимающим в боевых подразделениях подчиненное или вторичное положение после великого князя, бояр, воевод, но более высокое положение по сравнению с дворянами и детьми боярскими. Эта форма не предполагает персонификации, носители титула княжата применительно к подданным московского государя никогда поименно не раскрываются.

Князи и княжата: язык Курбского

Есть ли в сочинениях А. М. Курбского подобные социальные подтексты? В архетипе «Истории» насчитывается 144 употребления слова *князь* и его однокоренных. Вычтем из этого числа общую для восточного и западного языков форму женского рода (3), прилагательное (1), обозначение государственной территории (1). Из оставшихся 139 случаев 67 – вариации московской и 72 – западной формы. Можно определить одно заметное предпочтение: в единственном числе Курбский чаще использует московскую форму (26 против 12 в им. п. и 36 против 16 в косвенных), а во множественном в подавляющем большинстве случаев предпочитает западную (12 против 2 в им. п., 32 против 3 в косвенных). То есть заметна не ярко выраженная тенденция называть одного князя *князем*, и отчетливая тенденция титуловать князей *княжатами*²⁰¹. Понятие *князи* в «Истории» встречается только 2 раза в им. п. («князи» и «князие») применительно к казанским правителям после подчинения

¹⁹⁸ Пример определения князя «сыном боярским» в Башмаковской разрядной книге под 7015 г.: князь Юрий Пронский послан в полк князя Булгакова, «а того не написано воеводою или в детях боярских» (Маркевич А.И. История местничества... – С. 271. Прим. 2). Во второй царской посольской книге под 25 октября 1517 г., в записи дьяку В.С. Племянникову, а также в прусской посольской книге в 1518 г. «великого князя детьми боярскими» названы князь Ф.В. Телпнев Оболенский и И.В. Ляцкой (ПДС. – Стб. 256, 258, 337; СИРИО. – СПб., 1887. – Т. 53. – С. 64–65). «Свой сын боярский» великого князя князь Иван Иванович Кубенский Ярославский принимал участие в приеме имперского посольства в 1518 году (ПДС. – Стб. 357). В Тысячной книге князя причислены к детям боярским (Тысячная книга... – С. 55 (л. 115), 57 (л. 118), 61 (л. 122 об.), 82 (л. 149–149 об.)). Князь Иван Лыков назван в посольской переписке июля 1583 г. с польским королем в ряду «наших детей боярских»: «а которые наши дети боярские в полон в Литву побраны на Севере князь Иван Лыков с товарищи под часом перемирным» (РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 645 об.–646, 659 об.–660 об.). Впрочем, эта конструкция позволяет не включать воеводу в число детей боярских, поскольку в «папской» книге нападение кричевского державцы пана Белицкого на Брянск 1 февраля 1582 г. описано иначе: «государев город Брянск сожгли и воеводу государева князя Ивана Лыкова з женою и з детьми в полон взяли, а иных воевод и детей боярских и многих людей побили и в полон поимали» (РГАДА. – Ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 335–335 об.).

¹⁹⁹ ПСРЛ. – Т. 13. – С. 64. См. также: там же. – С. 141. Прим. 1; 238. Прим. 1.

²⁰⁰ Карамзин Н.М. История Государства Российского. – Кн. 1. – Т. I, II, III, IV. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. – М., 1988. Примечания к IV тому. – Стб. 123–124. Прим. 324; Маркевич А.И. О местничестве. – С. 174–181; он же. История местничества... – С. 235–236, 431; Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. – С. 61 (№ 220).

²⁰¹ Эта тенденция, как мы увидим ниже, не касается великих князей Московских. Кроме того, в своих посланиях Курбский подписывался «княжа на Ковлю». Это смягчает разницу в числе употреблений формы ед. ч., но в посланиях более, чем в «Истории», выражен контекст гражданской самоидентификации, подданства автора.

Казанского ханства Москве²⁰² и 3 раза в косвенных падежах, причем 1 раз по отношению к тем же предводителям «воинства бусурманского» и 2 раза применительно к великим князьям (Рязанским и Тверским). При этом на 25 употреблений московской формы в титуле *великий князь* (как в ед., так и во мн. ч.) приходится только 4 упоминания *великих княжат* (3 во мн. ч. о всех русских великих князьях, о Тверских (2), 1 в ед. ч. о Витовте). Московских великих князей Курбский никогда не называет княжатами²⁰³. Возможно, это тот пример, когда этнополитическая граница воспринимается им как непреодолимая.

К другим русским княжеским родам приложимы обе парадигмы. Семантическое единство форм *князь / княжа* доказывается их взаимозаменяемостью: в «Истории» среди «княжат» Оболенских он упоминает «князя» В.К. Курлятева²⁰⁴; в глоссе о св. Дмитрие Прилуцком К.И. Острожский – сначала «князь» (в дат. падеже), затем «княже»²⁰⁵; в Суздальском разделе первого мартиролога фигурируют «великие княжата Тверские», а ниже о кн. И. И. Дорогобужском говорится, что он «с роду великих князей Тверских»²⁰⁶; в том же отрывке о князьях Суздальских А.Б. Горбатый, как и в Казанской повести, титулуется «княжа», но в пояснительной глоссе

он назван «князем»²⁰⁷; «княжата Ярославские» персонифицированы *по-московски* «князь Феодор Львов», «князь Феодор [Аленкин – К. Е.]», «князя Феодора Романовича», в то же время Прозоровские и Ушатые – «княжата»²⁰⁸. О сходстве значения существительных *князь / княжа* свидетельствуют также конструкции *княжа N от роду князей / князя Z, князь N от роду княжат Z и княжата N от роду княжати Z*²⁰⁹. Таким образом, никакого семантического, и в том числе политико-иерархического, различия в вариации *князь / княжа* в сочинениях А. М. Курбского не прослеживается.

Княжеские фамилии указываются в сочинениях А. М. Курбского тремя взаимосвязанными способами: личным или семейным прозвищем, владельческим определением и описательным титулом. Фамилии, образованные от прозвищ, часто вводятся с помощью связок «глаголемый», «нареченный» и могут выступать лишь как часть фамильной характеристики²¹⁰. Владельческие определения появляются после связок или непосредственно после имени. В ряде случаев семейное прозвище отсутствует или отождествляется с владельческим или родовым: «княжа Пронский Юрий» и он же стратиг Юрий «именем с роду княжат Пронских»²¹¹; «княжа Ряполовское

²⁰² В Казанской повести Курбский говорит о дворах казанских «княжат», то есть допускает в отношении восточной титулованной знати западнорусское определение. Ничего подобного в употреблении полонизированного княжеского титула в московских официальных источниках мне не известно (ср.: Ист-30/21-28).

²⁰³ Также исключительно слово «князь» закреплено за титулом великих князей Московских в Посольском приказе и в дипломатической службе Великого княжества Литовского.

²⁰⁴ Ист-120/28-31.

²⁰⁵ Употреблено в функции именительного падежа: «княже выехал во свое отечество». – См.: Ист-182/7. Прим. 12. Так в списках наиболее близких к архетипу (Т-639, л. 547; У-301, л. 125 об.; Отдел рукописей и редких книг Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета. № 168/с, инв. 129 (далее: Х-168). Л. 126 об.). В списках второго типа «княже» заменено на «князь» (ОР ГИМ. Синодальное собр. № 136 (далее: С-136), л. 111; РГАДА. – Ф. 181 (РОБ МГАМИД), оп. 1, д. 60/82 (далее: А-60), л. 112; Библиотека Литературы Древней Руси. – Т. 11: XVI век. – СПб., 2001 (далее: БЛДР-11). – С. 468. Прим. 2). Чтение «княже» восходит к архетипу «Истории». Польское влияние допустимо, но более вероятно, что эта форма маркирует кн. К.И. Острожского как князя Великого Княжества Литовского в отличие от князей на московской службе.

²⁰⁶ Ист-121/34, 134/31-32.

²⁰⁷ Ист-121/14. Прим. 3; У-301, л. 83; Т-639, л. 523 об.; ср.: Ист-121/14-15, 27/30-31, 29/22-23.

²⁰⁸ Ист-123/34, 124/20-21, 125/6; ср.: 124/1, 124/9-11, 124/27-28, 125/1-4.

²⁰⁹ Ист-120/15-16, 120/22, 125/9-10, 130/21-23; ср.: 123/33-36.

²¹⁰ Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России: История и перспективы. – М., 2004. – С. 55–56.

²¹¹ Ист-21/23, 77/27-31. М.Е. Бычкова видит тенденциозность в «подборе сведений о ярославских князьях» у А.М. Курбского и ссылается при этом на соседство в «Истории» князя Юрия Пронского с Федором Львовым, возведенным к княжатам Ярославским. По мнению исследовательницы, Курбский не указывает, «что Пронские, игравшие в середине XVI в. более значительную роль, чем Львовы, происходят от великих князей рязанских, хотя прекрасно это знает» (Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России... – С. 242–243. Прим. 194). Отмеченного факта недостаточно для вывода о тенденциозности Курбского. Родовая (владельческая) идентификация Львова в Казанской повести добавлена к генетическому (фамильному) прозвищу как раз потому, что титул Пронского сочетает владельческую и фамильную идентификации. Считать князей Пронских более низкими по сравнению с рязанскими нет оснований. Владимир Дмитриевич Пронский записан в Успенском синодике «великим князем» (Древняя российская вивлиофика. – М., 1788. – Т. VI. – С. 447). Пронский князь Иван Владимирович в договоре с литовским великим князем Витовтом титуловал себя великим князем (Vodoff W. La titulature... – P. 14). Кроме

Дмитрей» и брат его прадеда Семен «глаголимый Ряполовский»²¹²; видимо, Мстиславль А. М. Курбский считал родовым владением кн. И. Ф. Мстиславского, упоминая «Ивана княжа Мстиславское»²¹³.

Такие титульные характеристики, как «от роду великого Владимира»²¹⁴, «с роду княжат Литовских»²¹⁵, «с роду княжат Суздальских»²¹⁶, «с роду княжат Смоленских и Ярославских»²¹⁷, «с племени княжат Решских»²¹⁸, «с роду великих княжат Тверских»²¹⁹, «с роду княжат Торуских и Оболенских»²²⁰, «с роду княжат Стародубских»²²¹, «с роду княжат Белозерских»²²² являются продолжениями семейных и владельческих прозвищ и типологически сходны с «описательным титулом»²²³. Конструкция «с роду» выступает в сочинениях

Курбского в том же качестве, что и европейские фамильные предлоги *de, von, van* и т. д., но в ней не выражен вотчинный подтекст. Родовые определения у А. М. Курбского лишь очерчивают ту территорию, которая была ранее подвластна роду; единственное исключение – происхождение от какого-либо Владимира Великого, символизирующее как единство княжеского дома, так и равные права его представителей на власть в Русской земле.

Иначе представлены в «Истории» нетитулованные фамилии. Некняжеские фамилии А. М. Курбский снабжает либо общими панегирическими характеристиками («стародавние в родех русских»²²⁴, «слузи... светлых родов и благородных шляхецких»²²⁵, «муж благородный»²²⁶, «светлого рода муж»²²⁷, «муж велика

того, нет ни одного примера, когда бы «роль» своих персонажей А. М. Курбский принижал с помощью титульной характеристики. В данном случае князь Юрий Пронский упомянут панегирически как герой Казанской войны – странно было бы подозревать автора в намерении принизить его роль. В «Истории» имеются другие примеры, когда без явных иерархических подтекстов упоминается род только одного действующего лица (см. ниже о взятии в феврале 1560 г. Мариенбурга армией под командованием И. Ф. Мстиславского и П. И. Шуйского).

- ²¹² Ист-112/22-25, 122/36. М. Е. Бычкова пишет: «Из всех названных в Истории князей не указано лишь родство Михаила Репнина и фактически Семена Ряполовского» (Бычкова М. Е., Смирнов М. И. Генеалогия в России... – С. 53). Это не вполне верно. В княжеском мартирологе из князей Оболенских родовая характеристика заявлена только применительно к П. С. Серебряному, а названы также Д. Ф. Овчинин, М. П. Репнин, Ю. И. и И. И. Кашины, Д. А. Шевырев, Д. И. Курлятев. О происхождении князей Торусских и Оболенских Курбский писал в начале «Истории» – автор не повторяется и фиксирует общее происхождение компактным расположением названных князей в составе мартиролога. Фамилия же Ряполовских, очевидно, содержит для Курбского актуальный вотчинный подтекст, поэтому он возводит их непосредственно к Владимиру Великому.
- ²¹³ Ист-50/19, 76/29-30. Совпадение семейного, владельческого и родового статуса особенно отчетливо во втором случае, где говорится о взятии Мариенбурга «немалыми гетманами» князьями И. Ф. Мстиславским и П. И. Шуйским. Развернутая родовая часть фамилии здесь имеется только у Шуйского, значит, фамилия Мстиславского ее подразумевает.
- ²¹⁴ Происхождение от основателей всего русского княжеского рода надстраивается в «Истории» как четвертый уровень фамильной идентификации. Возведение С. И. Ряполовского непосредственно к великому Владимиру объясняется тем, что Курбский считал Ряполовских единым владетельным родом. При этом Тулуповы возведены в «Истории» к Стародубским. На осмыслении происхождения двух ветвей Стародубских князей могло сказаться родовое первенство Ряполовских.
- ²¹⁵ Ист-7/2 (И. Ф. Бельский), 7/32 (М. Б. Трубецкой), 125/32-33 (Е. А. Хованская), 149/20-22 (Е. Д. Бельская). О В. И. Патрикееве Курбский говорит не только в «Истории», но и в богословском томе: «киже был от поколения великих княжат Литовских». Здесь же он особенно подчеркивает его двойное родство с московскими и литовскими князьями (Ист-3/12-15; Попов А. Н. Описание... – С. 114 (л. 30 об.)).
- ²¹⁶ Ист-7/12-13 (А. М. Шуйский), 76/29-30 (П. И. Шуйский).
- ²¹⁷ Ист-3/27 – 4/2 (С. Ф. Курбский), 7/19-20 (И. И. Кубенский), 21/24-25 (Ф. И. Львов). О Смоленских и Ярославских в связи с самосознанием Андрея Курбского см. ниже.
- ²¹⁸ Ист-7/22-25 (Воронцовы), 139/30-34 (Колычевы, Шереметевы).
- ²¹⁹ Ист-7/35-36 (И. И. Дорогобужский), 29/34-36 (С. И. Микулинский).
- ²²⁰ Ист-7/37 – 8/1 (Ф. И. Овчинин). В богословском томе, говоря о кн. М. А. Оболенском, Курбский ссылается на его происхождение «з родоу княжат Черниговских» (Попов А. Н. Описание... – С. 100 (л. 3 об.)). В мартирогах «Истории» различные ответвления Оболенских возводятся непосредственно к св. кн. Михаилу Всеволодовичу Черниговскому (Ист-121/2-5).
- ²²¹ Ист-159/31-32 (А. В. Тулупов).
- ²²² Ист-159/35-36 (Неудача Цыплятев).
- ²²³ Кашганов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – Вып. 8. – С. 80.
- ²²⁴ Ист-25/27-28 (муромская шляхта).
- ²²⁵ Ист-126/11-15, 160/4-6.
- ²²⁶ Ист-10/3-4 (А. Ф. Адашев), 118/11-15 (родственники Алексея Адашева), 121/20-22 (П. П. Ховрин); 137/15 (С. В. Яковлев), 143/30-33 (Заболоцкие), 149/2-3 (все нетитулованные пострадавшие от террора верные слуги царя).
- ²²⁷ Ист-138/7-8 (М. М. Лыков), 143/36 – 144/2 (Бутурлины).

роду»²²⁸, «от резанские шляхты благородных мужей зацных в родех»²²⁹), либо ремарками о предках без указания владельческого статуса (И. И. Хабаров «роду старожитного, яже нарицались Добрыньские»²³⁰, В. В. Разладин потомок «Иоанна Родионовича нареченного Квашни»²³¹, Г.С. Сидоров «с роду великих синглитов резанских»²³²).

В то же время за каждым княжеским родом обнаруживается свой предок, часто святой. Княжата Литовские восходят к Ольгерду, но интересуют автора «Истории» еще и тем, что являются сородичами польского короля Ягайло. Суздальские и, по Курбскому, Тверские произошли от Андрея Суздальского. Смоленские и Ярославские (один род) – от Федора Ростиславича Черного. Торусские и Оболенские – от Михаила Всеволодовича Черниговского. «Решские» – неопределенно «из Немец». Родовые предки князей Стародубских, Рязанских, Ростовских, Белозерских, Московских Курбским не обозначены. Они возводятся, наравне с другими русскими князьями, к Владимиру Святому и Владимиру Мономаху Великим. Многие в социальных представлениях А.М. Курбского проясняет порядок оформления мартирологов в «Истории». Пострадавшие от террора разделены на четыре группы – вступительную, княжескую, боярско-дворянскую и церковную²³³. При этом в третьей и четвертой упомянуты отдельные представители второй. Первая посвящена хронологически самым ранним гонениям на родственников А. Ф. Адашева. Устранение «избранной рады» было, согласно Курбскому, началом «пожара лютоости», поэтому подробный вступительный мартиролог имеет значение свидетельства о первостепенном преступлении. Память и прославление обращены в первую очередь к личности, занимавшей вместе со своим родом последнюю главу «Государева Родословца», но первое место по влиянию на царя.

Нас прежде всего здесь интересует княжеский раздел. Он состоит из мартириев, организованных по семейно-родственному принципу. При этом соблюдается следующий порядок перечисления княжат: Оболенские – Суздальские – Стародубские – Ростовские – Патрикеевы – Ярославские – Рязанские – Владимир Андреевич Старицкий – М. И. Воротынский и Н. Р. Одоевский. Первое и последнее места занимают потомки святого кн. Михаила Черниговского, «иже убиен от безбожного Батя за то, иже боги его насмевал и Христа Бога пред мучителем так сильным и грозным со дерзновением проповедал»²³⁴. Князь Михаил Всеволодович был для Курбского идеалом христианского рыцарства. Его житие («мучение князя Михаила Черниговского да боярина его Феодора») находилось в библиотеке князя Андрея Михайловича в Юрьеве и, видимо, входило в походную библиотеку князя, так как было подшито к житию Августина и другим словесам, переведенным «из латынского языка», незадолго до бегства боярина-наместника²³⁵. То, что родство новых мучеников Оболенских, Воротынского и Одоевского с кн. Михаилом Черниговским было актуальным для автора «Истории», подтверждается прямыми генеалогическими справками в тексте и уподоблением Михаила Воротынского своему «тезоименитому» предку (а Ивана Грозного – Батью)²³⁶.

Князьям Суздальским в прошлом принадлежала «старшая власть» между русскими князьями. Далее следуют краткие записи о Д. И. Рязполовском; С. В. Лобанове Ростовском, А. И. Катыреве Ростовском, В. И. Темкине Ростовском; П. М. Щенятеве, П. А. и И. А. Куракиных. Рязполовский особенно выделялся, видимо, в связи с интересом Курбского к делу князя Семена и с участием собственно кн. Дмитрия Ивановича в конспиративном заговоре И. П. Федорова, удостоившегося

228 Ист-144/10-17 (Т.И. Замятня Сабуров).

229 Ист-144/34-36.

230 Ист-137/34-35.

231 Ист-141/35 – 142/1.

232 Ист-145/27-30.

233 Рыков Ю.Д. «История о великом князе Московском» А.М. Курбского и опричнина Ивана Грозного // Исторические записки. – М., 1974. – Т. 93. – С. 328–350.

234 Ист-121/3-9; Ерусалимский К.Ю. Идеальный совет... – С. 83.

235 РИБ-495; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 77–81.

236 Hist-182–184, 200; DJD. S. LI/2b/15-17; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 185; Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России... – С. 53.

экслюзивной вступительной статьи ко второму мартирологу. Ростовские князья только упомянуты без каких бы то ни было характеристик, возможно, потому, что Курбский располагал о них скудными сведениями. Подробнее сообщается о Петре Щенятеве, которого кн. Андрей Курбский знал лично и у которого многократно служил в полку вторым воеводой (1550, 1552, 1556, 1557, 1562/63)²³⁷, и снова только бегло о Куракиных. Можно предположить, что замысел княжеского мартиролога первоначально заключался в том, чтобы начать его с потомков черниговского святого и закончить потомками ярославского. Однако дело Старицких, по которому мог проходить и И. И. Турунтай Пронский, смешало планы, а еще позднее, к середине 1570-х гг., были получены сведения о казнях 1573 г. и возник «плач» по Воротынскому и Одоевскому.

Порядок перечисления жертв террора у Курбского не соответствует известным ныне примерам ранжирования двора в середине XVI в. (например, в родословцах, Тысячной книге, Дворовой тетради), но содержит элементы отдельных иерархических представлений этой эпохи, а также своеобразную «воображаемую» иерархию, частью которой считал себя Курбский.

Особенно существенным оказалось переосмысление князем-историком «Государева Родословца». В нем род князей черниговских также образует кольцевую композицию, следуя в гл. 5 после князей полоцких и литовских и затем в гл. 12 следом за ярославскими (при этом ни один из литовских родов не занимает таких позиций, как в Родословце 1555 г.). Иерархия княжеских родов, таким образом, подчеркивала в «Истории» идею о князьях-святых, которые объединяли остальные княжеские фамилии. Положение князей суздаль-

ских, ростовских и ярославских может быть соотнесено с порядком явочной записи князей для тверского похода 1375 г.: тесть московского великого князя Дмитрий Константинович Суздальский с братьями Борисом Городецким и Дмитрием Ногтем Суздальским и сыном Семеном упомянуты в первую очередь; после Владимира Андреевича записаны Андрей Федорович Ростовский и два его двоюродных брата Василий и Александр Константиновичи; после Ивана Васильевича Смоленского следуют братья Василий и Роман Васильевичи Ярославские; и уже затем князья Белозерский, Кашинский, Моложский, Стародубский, Брянский, Новосильский, Оболенский, Торусский «и инии князи»²³⁸. Последовательность перечисления в летописях князей суздальских, ростовских и ярославских устойчива независимо от других звеньев, которые не имели значения для повествования Курбского или подчинялись иным его представлениям и задачам. Впрочем, указанные сходства могут быть и случайным следствием того, как представлял себе А. М. Курбский хронологию репрессий в Русском государстве.

Княжеские родословные легенды «Истории», как правило, отличаются лапидарностью и по форме изменяются в зависимости от темы повествования²³⁹. А. Н. Грбовский отметил, что в кратких похвалах автор прославлял в целом всех «сильных» и «избранных» — своих друзей, православных воевод, победивших «прегордые царства» и «грады ерманские» и замученных в своем отечестве, святых и неповинных²⁴⁰. Похвала в данном истолковании выступает как риторический прием, призванный не столько обозначить индивидуальные качества «избранных», сколько приобщить их имена к поминанию. Такое понимание представлений А. М. Курбского об избранничестве

²³⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 132 (л. 129 об.), 135 (л. 134 об.); Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1977. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 402 (л. 262); — М., 1978. — Т. 1. — Ч. 3. — С. 412–413 (л. 267 об.), 414–415 (л. 268 об.), 418 (л. 270 об.), 422 (л. 272 об.), 428 (л. 275 об.), 438 (л. 279); — М., 1981. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 7 (л. 324); Баранов К.В. Записная книга полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 121 (л. 6 об.); Auerbach I. Andrej Michajlovic Kurbskij: Leben in Osteuropaischen Adelsgesellschaften des 16 Jahrhunderts. Munchen, 1985. S. 69, 78, 93–94; Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский // ВИ. — 1999. — № 1. — С. 82–84.

²³⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 11. — С. 22–23; ср.: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 301 (л. 203–203 об.); ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 110–111 (л. 315–315 об.); ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 446 (л. 381 об.–382); ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 99; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 130–131 (л. 184–184 об.); ПСРЛ. — Т. 8. — С. 22.

²³⁹ Модель такой легенды видна уже в готовом виде в «Истории вкратце» (предисловии к «Новому Маргариту»), где Курбский сожалеет о смерти И.И. Келемета, своего «слуги и брата превозлюбленного и верного» — «мужа не точною в военных вещах крепкого и искусного, но и в разуме светлаго, который...» (NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 6v).

²⁴⁰ Grobovsky A.N. The «Chosen Council» of Ivan IV: A Reinterpretation. — Brooklyn, New York, 1969. — P. 103, 107–109, 123, 135–138.

основано, во-первых, на отождествлении обобщенных характеристик его Первого послания Грозному с персонализированными панегириками «Истории»; и во-вторых, на выводе А. Н. Грбовского о том, что задача автора «Истории» заключалась в том, чтобы обобщенно всех «добрых» и «праведных» противопоставить всем «злым»²⁴¹. С этими выводами невозможно согласиться. Большинство эмоционально и религиозно окрашенных персональных характеристик в «Истории» не поддается проверке другими источниками. Но это не аргумент в пользу того, что добродетели ее героев придуманы, трафаретны или соответствуют только замыслу автора.

Во-первых, текстологическое сопоставление Первого послания Курбского и «Истории» позволяет уточнить смысл выражения «сильные в Израиле». Дело в том, что это их «кровь святая» пролита, согласно Посланию, «во церквах божиих»²⁴². После того, как царь в своем пространном ответе отказался признавать пролитие им мученической крови в храмах, князь раскрыл в «Истории», о ком именно шла речь. Подразумевались князья М. П. Репнин и Ю. И. Кашин²⁴³. То есть, по всей видимости, и «христианские предстатели», воевавшие за православие, не образуют еще широкого круга жертв террора, изображенных в «Истории». Во-вторых, информация о героях и жертвах царя у Курбского разнообразна и не всегда поддается обобщению. Сведем признаки, с использованием которых создаются характеристики героев в «Истории», в 6 категорий: А) родственники и происхождение («от роду», «единоплеменный» и др.), Б) родство с великим князем Московским, В) личные ка-

чества («тихий», «кроткий» и др.), Г) статус («синклит», «стратилат»)²⁴⁴, Д) богатство, Е) возраст. При этом будем учитывать, что некоторые категории присутствуют в характеристиках непрямо (заявлены описательными конструкциями или подразумеваются по контексту). Нас будут интересовать только те случаи, когда какие-либо из шести категорий применяются к поименованным личностям, хотя описательные модели могут быть выявлены и в тех случаях, когда Андрей Михайлович не уточняет имена своих героев: а) избранная рада пополняется за счет «советников мужей разумных и совершенных, во старости маститей сущих, благочестием и страхом Божиим украшенных» (ГВЕВ)²⁴⁵; б) в походе И. В. Шереметева, кн. С. И. Микулинского-Пункова и кн. А. М. Курбского на подавление казанского восстания принимало участие «немало стратилатов, светлых, и храбрых, и великородных мужей» (ГВА)²⁴⁶.

Из 122 поименно упомянутых русских князей и дворян (не считая Андрея Курбского, великих князей московских и великих княгинь Марии Борисовны, Софьи Фоминичны, Соломонии Юрьевны, Елены Васильевны и Анастасии Романовны) князей 64 (52,5 %). О 15-ти поименованных князьях в «Истории» ничего не сообщается, кроме имени. Оставшихся князей – 45,8 % от общего числа оставшихся же героев повести, но это меняет общую картину несущественно. Категория А заявлена дополнительным (помимо фамилии и отчества) замечанием в 57 случаях, из них князей 31 (54,4%). Категория Б встречается 11 раз, из них только 2 раза применительно к нетитулованным лицам (Сабуровы, С. В. Яковлев)²⁴⁷.

²⁴¹ Грбовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа). – Лондон, 1987. – С. 117–128, 133–136, 155–157, 175; Филошкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». – М., 1998. – С. 218–221, 226–232, 238–244.

²⁴² ПИГАК. – С. 7 (л. 5 об.), 9 (л. 133 об.), 25–26 (л. 311–311 об.).

²⁴³ Реконструкция первоначального текста сходного с Посланием отрывка «Истории» в: Ерусалимский К.Ю. «История о Великом князе Московском» А.М. Курбского: археографические и историографические аспекты / Дисс... канд. ист. наук. – М., 2002. – С. 59–61.

²⁴⁴ Понятия «синклит» и «стратилат» в сочинениях Курбского не всегда тождественны боярскому чину и должности воеводы московских делопроизводственных документов (актов, разрядных росписей, летописей). Первое из них применяется Андреем Михайловичем не для всех упоминаемых им бояр, а только для особо приближенных к царю его советников. Второе имеет подтекст «признанный воин», «профессиональный военный», «выдающийся командующий». Все упомянутые Курбским придворные лица, разумеется, имели определенный статус внутри государева двора. Но в данном случае для нас важно появление в характеристиках формулировок, с помощью которых должностной или чиновный статус акцентируется.

²⁴⁵ Ист-11/28-33; см. далее о советниках молодых, но также «предобрых» и «искусных» (Ист-11/33 – 12/3).

²⁴⁶ Ист-59/9-19; см. также: Ист-63/6-8.

²⁴⁷ Картина по данной категории несколько изменилась бы, если принять в расчет шуринов Ивана Грозного Даниила и Никиту Романовичей, упомянутых в «Истории» без раскрытия их имен (Ист-74. п. 1).

Категория В – 60 раз, у князей – 30 (50%). Статус (Г) описан 47 раз, из них князья – 24 (51,1%). Указание на богатство (Д) встречается 11 раз, «богатых» князей в «Истории» – 6 (54,5%). Возраст привлекает внимание автора 16 раз и указывается применительно к поименованным русским князьям 9 раз (56,3%).

Таким образом, налицо внешне равномерное соотношение добродетелей титулованных и нетитулованных героев «Истории». Если не считать отношения категорий Б и А, устойчивой корреляции между категориями нет: автор подбирает для каждого героя индивидуальную характеристику. Однако при более детальном рассмотрении заметны предпочтения Курбского в выборе оценочных суждений. Для князей родовитость – наиболее частый спутник похвалы, затем по мере сокращения значимости следуют личные качества, статус и три неординарных качества – возраст, богатство и родство с великим князем. Наиболее выразительным является преимущество князей по числу упоминаний категории Б. А. М. Курбский фиксирует родство жертв с московскими князьями, чтобы подтвердить свою идею о братоубийственной политике Ивана Грозного, его отца и деда. Матримониальным связям придворных с московским великокняжеским домом уделено особое внимание в «Истории»:

1) Вассиан Патрикеев назван сродником Василия III «по матери своей»: видимо, в этом ошибочном замечании подразумевается не мать В. И. Патрикеева (дочь В. Г. Ховрина), а мать его отца дочь московского великого князя Василия I Анна²⁴⁸. Происхождение от князя Патрикия подчеркивается в мартирологе П. М. Щенятева, П. И. и И. А. Куракиных, но об их родстве с великокняжеской семьей прямо

уже не говорится²⁴⁹. Василий III, стремясь захватить «окаянные отчизны», погубил «брата своего во крови ближнего князя северского Василия нареченного Шамячича»²⁵⁰.

2) Иван IV велел убить «ближнего сродника своего, рожденного с сестры отца его, князя Иоанна Кубенского»: отец И. И. Кубенского Иван Семенович был женат на дочери Андрея Старшего Васильевича, брата Ивана III, то есть казненный князь Иван Иванович приходился великому князю троюродным братом²⁵¹.

3) В «Истории» специально оговорено, что убитый в июньском восстании 1547 г. Ю. В. Глинский и бежавший М. В. Глинский – «вуй», то есть дяди царя по матери²⁵². А. М. Курбский сообщает, что его родич Ф. А. Аленкин был женат на двоюродной сестре царя Ивана («сестра его, за двух рожденная») дочери «Михаила Глинского»²⁵³. Этого Михаила Глинского, по словам Курбского, «погубила неповинне матери его [царя Ивана – К. Е.], сущаго стрья своего»²⁵⁴. Д. Л. И. Феннелл сделал вывод, что жена «Федора Ярославского была, таким образом, двоюродной сестрой Елены Васильевны [Глинской], матери Ивана IV»²⁵⁵. Но Курбский говорит, что княжна Глинская была двоюродной сестрой именно «его», то есть царя, что при любой интерпретации свидетельствует об ошибке в «Истории» и не исключает возможность происхождения этой княжны не от дяди, а от родного старшего брата великой княгини Михаила Васильевича²⁵⁶.

4) А. М. Курбский хорошо разбирается в родственных связях первой жены царя Ивана. Братом по дяде («стрыечным») царицы Анастасии в «Истории» определен «Семен Яковлевич» – боярин дворецкий Нижнего Новгорода Семен Васильевич Яковлев, казненный в

²⁴⁸ Ист-3/13-14; ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 24. – С. 232 (л. 334); Разрядная книга 1495–1598 гг. – М., 1966. – С. 17, 239; ДРВ. – Т. VI. – С. 452; Маркевич А. И. История местничества... – С. 239; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов... – С. 36 (Схема 1), 37.

²⁴⁹ Ист-123/19-32.

²⁵⁰ Ист-166/11-20; Т-639, л. 540 об.; У-301, л. 114 об.

²⁵¹ Ист-7/15-17; Зимин А. А. Формирование... – С. 94.

²⁵² Ист-8/37 - 9/5; Т-639, л. 467 об.; У-301, л. 5 об.

²⁵³ Ист-124/27-30.

²⁵⁴ Ист-124/30-32.

²⁵⁵ Hist-190. п. 2.

²⁵⁶ На одной его дочери Марии был женат И. Д. Хомяк Пенков Ярославский. Росписи показывают еще одну дочь М. В. Глинского Анастасию (Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. – М., 1977. – Вып. 38. – С. 104–125; она же. Родословие князей Глинских // Историческая генеалогия. – Екатеринбург; Париж, 1994. – Вып. 3. – С. 25–27; Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). – Київ, 1993. – С. 327 (Схема VI (1)).

июле 1570 г.²⁵⁷ В Третьем послании Ивану IV Курбский развеивает подозрения о том, что мог участвовать в убийстве царицы, своей троюродной сестры: «А тая твоя царица мне, убогому, ближняя сродница, яко узришь сродство оно на стране того листа написано»²⁵⁸. В Речи Посполитой неоднократно значение Курбского подчеркивалось его родством с царем²⁵⁹.

5) Мартиролог семьи Владимира Андреевича Старицкого содержит прямую отсылку на то, что старицкий князь приходится царю «стрыечным», двоюродным братом по дяде, и все четыре других представителя семьи убитого также косвенно отнесены к ближайшим родственникам царя²⁶⁰. Посольский приказ фабриковал обвинение против Андрея Курбского на основании еще одной родственной связи изменника с царской семьей: «А за князем Володимером Андреевичем была его сестра двоюродная»²⁶¹. В Третьем послании Ивану IV Курбский также сослался на это родство, но с открытым пренебрежением, как если бы «сестра» была принуждена к браку с удельным князем: «А тогды же есмь угодил грядущее мнение твое на мя, когда еще сестру мою насилем от мене взял еси за того то брата твоего, наипаче же, могу по истинне рещи со дерзновением, в тот ваш издавна кровопивственный род»²⁶². Владимир Андреевич был женат дважды – на Авдотье Александровне Нагой (май 1550 г.) и княжне Авдотье Романовне Одоев-

ской (апрель 1555 г.)²⁶³. Курбский был представлен в посольских делах как сообщник удельного князя, что, если следовать обвинениям в адрес Курбского в посланиях к нему Ивана Грозного, скорее относилось к событиям 1563 г.²⁶⁴ Сам Курбский отзывается с похвалой о второй супруге Владимира Андреевича, но ничего не говорит о своем родстве с ней²⁶⁵.

6) Царь, по мнению А. М. Курбского, уже (к моменту написания соответствующих разделов «Истории») погубил «ближних в роде братию»²⁶⁶. На очереди были сыновья царя, в чем вероятен намек на конфликт, закончившийся гибелью царевича Ивана Ивановича²⁶⁷.

Как же представляет себе А. М. Курбский значение русских князей в московской придворной жизни? Исследователи, обсуждая смысл политики Ивана Грозного, применяют те или иные фрагменты работ А. М. Курбского без учета многих нюансов в его представлениях о причинах гонений на князей в Русском царстве. Все новые мученики, о которых он пишет, были убиты или репрессированы, по его мнению, «туне», «неповинно», «без правды», «неправедно», незаконно, по дьявольскому наущению²⁶⁸. Часто причинами гонений оказывались, по информации Курбского, родственные связи с опальными лицами²⁶⁹. Однако в ряде случаев писатель специально указывает на то, что послужило предлогом для опалы. Именно эти случаи поддаются сравнительному анализу²⁷⁰.

257 Упомянутое А.М. Курбским родство Семена Яковлевича с царицей исключает колебания в идентификации этого придворного (ср.: Hist-210. п. 2). Он приходился троюродным братом Анастасии Романовны, являясь внуком Якова Захарьича, родной брат которого Юрий был дедом Анастасии Романовны (Зимин А.А. Формирование... – С. 183–187).

258 ПИГАК. – С. 109 (л. 144 об.), 373–374.

259 Herby Rycerstwa Polskiego przez Bartosza Paprockiego zebrane i wydane r. p. 1584 / Wydanie K. J. Turowskiego. – Krakow, 1858. – С. 871; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 342 (р. 504).

260 Ист-125/29 126/8.

261 РГАДА. – Ф. 79, оп. 1, кн. 12, л. 278 об.

262 ПИГАК. – С. 109 (л. 144 об. 145).

263 Бычкова М.Е. Состав класса феодалов... – С. 104–139, особенно с. 117 (Таблица 4), 119–121 (Таблица 5), 129–130.

264 Ср.: ПИГАК. – С. 32 (л. 317–317 об.), 104–105 (л. 256 об.–257 об.).

265 Ист-125/37–126/3.

266 Ист-111/30-31; Т-639, л. 519 об.; У-301, л. 76.

267 Ерусалимский К.Ю. Конструирование современности в «Истории о Великом князе Московском»: Постановка проблемы // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. – Москва, 17–19 апреля 2002 г. Материалы конференции. – М., 2002. – С. 70–71.

268 ПИГАК. – С. 7 (л. 5 об.), 8 (л. 6 об., 7 об., 8), 101 (л. 138–138 об.), 107 (л. 141), 108 (л. 143 об.), 111 (л. 147), 113 (л. 152–152 об.); NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 1/12-13, 1v/10, 1v/25, 2/4-5, 2v/10-11; Ист-8/2, 99/20-24, 117/1-12, 129/11, 138/18-19, 142/4-5, 192/1.

269 Родовой принцип организации мартирологов сам по себе показывает, что репрессии, с точки зрения А.М. Курбского, затрагивали целые роды («всеродне»): не только оклеветанные царские приспешники «без суда осуждают и казни предают, но и до трех поколений от отца и от матери по роду влекомых осуждают и казнят, и всеродно погубляют, не токмо одинаколенных [глосса а: южиков], но аще знаем был, и сосед, и мало ко дружбе причастен» (NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 1v/21 – 2/2; ср.: Ист-116/16 – 117/1).

270 Не учитываем ложные причины (добродетели новых мучеников), приводимые автором «Истории» с ироническими обличительными целями. Например, царь воздаст своим слугам гонениями за верную службу (ПИГАК. – С. 7 (л. 6); Ист-123/7-10, 127/34).

Среди таких объяснений фигурируют: а) навет; б) выступление против правителя, обличение; в) подозрение в чародействе или заговоре против царя; д) крупные земельные владения мучеников; е) их движимое богатство; ф) родственные и дружеские связи с опальными. Опальные распределяются по категориям: (а) жертвы периода так называемого боярского правления или, по меньшей мере, один кн. И.Ф. Бельский, а также протопоп Сильвестр и А.Ф. Адашев, кн. М.И. Воротынский²⁷¹; (б) кн. В.И. Патрикеев, кн. С.Ф. Курбский, кн. М.Л. Глинский, Сильвестр и А.Ф. Адашев, кн. М.П. Репнин, М.С. Митков, митрополит Филипп²⁷²; (в) Сильвестр и А.Ф. Адашев, некая полька Мария (жила в доме Алексея Адашева), кн. М.И. Воротынский, митрополит Филипп²⁷³; (д) кн. В.И. Шемячич, князя Ярославские, кн. М.И. Воротынский, И.П. Федоров, И.И. Хабаров²⁷⁴; (е) И.В. Большой Шереметев, Х.Ю. Гютин, И.И. Хабаров, новгородцы-жертвы погрома 1570 г. (среди них названы кн. А.В. Тулупов и кн. Неудача Цыплятев)²⁷⁵; (ф) полька Мария, Колычевы (родство с митрополитом Филиппом), архимандрит Феодорит (по одной из версий, казнен за напоминание царю об Андрее Курбском)²⁷⁶.

Причины (а), (б), (в), (ф) распространяются на лиц из всех социальных групп, обособленных Курбским в трех мартирологах. Иначе обстоит дело с категориями (д), (е), вокруг которых не смолкает историографическая полемика. Движимость («скарбы великие», «великие проклятые кровавые богатства») выступает в качестве предмета борьбы между царем и нетитулованной знатью и не фигурирует в княжеском мартирологе в связи с репрессиями. Причастность князей к «кровавым богатствам» в третьем мартирологе лишь косвенная: там говорится о богатствах Новгорода и, в связи с этим, о больших вкладах Неудачи Цыплятева Софийскому собору²⁷⁷. Однако во Втором

послании Грозному Курбский обвиняет царя, что он «поморил» своих «единоплеменных княжат» и разграбил вслед за своими дедом и отцом их «движимые стяжания и недвижимые»²⁷⁸. В то же время борьба за недвижимость («отчины великие», «свои уделы», «зело много отчины», «убогие и окаянные отчизны») касается главным образом князей. И.П. Федоров включен в княжеский контекст, а тема его вотчин согласуется с особенным «княжеским» положением рассказа о нем в структуре мартирологов. И.И. Хабаров с сыном пострадал из-за «скарбов великих», и лишь через три года царь повелел его убить «из отчизны, понеже великий отчины имел во многих поветех»²⁷⁹. Крупными землевладельцами в сочинениях А.М. Курбского выступают княжеские роды, а московских князей, начиная с Ивана III, отличают страсть к наживе и стремление захватить княжеские имения. Впрочем, Андрей Курбский не ограничивает репрессивную деятельность московского царя замыслом борьбы против княжеского землевладения, уделов или боярских вотчин. Ограбление лишь сопровождает физические расправы, охватывающие знатные роды и родственные кланы царских слуг, а лидерами в этой политике оказываются утверждающиеся за счет расправ выдвигенцы и приспешники царя – его шурины «и другие с ними нечестивые губители всего тамошнего царства», плетущие заговоры и интриги, «да невозбранно будет им всеми нами владети и, суд превращающе, посулы грабити и другие злости плодिति скверные, пожитки свои умножающе»²⁸⁰. Это тот редкий случай, когда Курбский в тексте «литовского периода» совершает переход от стороннего взгляда на «тамошнее царство» к отождествлению себя с московскими «всеми нами», под которыми в контексте повествования о преследовании Сильвестра и Алексея Адашева не могут подразумеваться только князья.

²⁷¹ Ист-6/34 и сл., 99/16 и сл., 126/16 и сл.

²⁷² Ист-3/9 – 4/10, 100/4-10, 119/10 и сл., 124/30-32, 140/1-2, 190/14-17.

²⁷³ Ист-100/11 и сл., 117/28-32, 128/14 и сл., 141/25-26, 155/5 и сл.

²⁷⁴ Ист-125/7-8, 135/12-13, 138/4-6, 147/16-17, 166/16-17.

²⁷⁵ Ист-136/7 и сл., 137/20-22, 137/31-33, 160/7-14.

²⁷⁶ Ист-117/29-30, 139/34 – 140/3, 185/27-33.

²⁷⁷ Цыплятевы были захудалой ветвью смоленских князей: Граля И. Дьяки и писари: Аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI – начало XVIII века) // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. – М., 2003. – С. 152, 155.

²⁷⁸ ПИГАК. – С. 101 (л. 138 об.).

²⁷⁹ Ист-137/31-33, 138/4-6.

²⁸⁰ Ист-100/1-10.